

Людмила Кошиль

Люськины рассказы

Людмила Алексеевна Кошиль

Люськины рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70406323

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник рассказов о счастливом детстве девочки Люси, проходящем в суровом таежном краю. Героиня очаровывает с первых строк, и юные читатели, которым посвящена книга, непременно заинтересуются приключениями маленькой озорницы – будь то незабываемый поход к Шаманской горе или путешествие по реке Вах... Книга насыщена национальным ханты-мансийским колоритом. Призвана бережно хранить память о сильных духом людях, на долю которых выпало жить в непростое послевоенное время.

Содержание

Поход на Шаманскую гору	5
Лужайка	11
Музгарка	13
Ящерка	19
Мамина инспекция	21
Черёмуха	24
Дядя Вася	30
Воровайка	35
Зимние приключения	41
Калмыцкий чай	45
Новый год	48
Медвежата	52
Детский сад	57
Кукла	60
Заговор зубов	63
Ледоход	67
Рыбозавод	69
Лягушачья икра	72
Последний шаман	77
Чудо природы	81
Первый пароход	83
Путешествие по реке Вах	89
Ларьяк	97

Школа

104

Словарь слов и выражений

107

Людмила Кошиль

Люськины рассказы

Поход на Шаманскую гору

Стояла июньская жара. Вода в Вахе пошла на убыль, и затопленная трава на пологом берегу уже показала над водой свои верхушки. Люська, как всегда в такое время дня, сидела в лодке, свесив ноги в воду, наблюдала за стайками мальков и мечтала.

А мечта у нее была одна: попасть на ту сторону реки и сходить на Шаманскую гору. Много чего рассказывали про нее таинственного.

«Попросить отца? Он как раз сети ставит в протоке напротив горы. Не согласится, – думала она. – Самой бы поехать на обласке, вон их сколько на берегу лежит».

Эти лодочки выдалбливали из цельного ровного ствола осины. Они были легкие, но очень верткие, и не каждый умел на них хорошо ездить, а тем более маленькая девочка.

Вот, оттолкнув облас от берега и быстро выгребая на середину реки, выехала молодая хантыйка по имени Прусалья. Люська смотрела, как она, бросив весло, ковшом черпала

воду в ведро. Обласок даже не шелохнулся.

«Вот бы мне так, да я и весла-то не подниму», – рассуждала Люська, наблюдая за ловкой девушкой.

Набрав воды, она также быстро причалила к берегу. Взяла ведро из лодки и пошла в гору.

«Чай кипятить будет», – решила Люська.

Ханты брали только проточную воду с середины реки, не так как другие жители возле берега – ее они считали грязной и непригодно для питья.

Вдалеке на песчаной косе мальчишки с визгом плавали «вразмашку» наперегонки.

«А ведь я плавать не умею, – с горькой завистью подумала Люська. – Вот почему меня отец с собой никуда не берет, боится, из обласка выпадет».

И она решила, не откладывая на потом, начать учиться. Разделась и бросилась в воду. Ноги ее шли по дну, а руки гребли «по-собачьи», и как только глубина увеличилась и ноги перестали доставать до дна, Люська тут же начала погружаться в воду с головой.

«Нет, так нельзя, а то захлебнусь. Надо зайти по грудь и попробовать грести к берегу», – она оттолкнулась от дна ногами и забила ими что было силы. В фонтане брызг молча продвигалась к берегу, а когда силы иссякли, встала ногами

на песчаное дно. Воды было по колено.

– Я проплыла, я сама проплыла, – кричала в восторге Люська. Выскочила из воды и побежала домой поделиться радостью с отцом.

– Папа, я проплыла, правда, я сама проплыла! Возьми меня с собой на рыбалку, на Шаманскую гору, – выпалила она, захлебываясь от радости. Отец, улыбался и смотрел на нее с пониманием.

– Вечером поедем. Собирайся, только оденься хорошо, там комаров много, – твердо сказал он и ушел на работу.

Как долго длится день, когда ждешь его окончания! Люська уже рассказала о поездке сестре Галине, та тоже засобиравалась и как старшая объясняла:

– Там растет священное дерево. К нему приходят и приносят дары, просят о хорошей охоте и молятся. Братья оттуда ничего нельзя, и руками трогать тоже нельзя. Даже траву рвать, а то руки отсохнут, и шаманы тебя зашаманят, пошлют кару. И еще, – строго сказала Галина, – иди рядом с нами и никуда не убегай.

В обласок садились по заведенному порядку. Дети сидели на днище, на специально постеленной траве, держась руками за распорки. Отец – на корме, подогнув под себя ноги. Греб и правил веслом, облас шел устойчиво и ходко. Волны улеглись. Река, как зеркало, отражала деревню на высоком берегу, лес и даже облас, на котором они плыли.

Благополучно перебравшись на другую сторону реки, они

свернули в протоку, где стояли сети. Отец, перебирая тети-ву сети, выпутывал рыбу и бросал в лодку. Улов оказался небольшой: три щуки, два язя и только один окунь. Это огорчило девочку – она очень любила их белое мясо.

– Ну, хорошо, на уху хватит, а завтра еще наловим, – сказал отец.

Облас плавно ткнулся в берег. Отец наполовину вытащил лодочку из воды, чтобы волной не унесло, и коротко бросил: – Пошли, только не отставайте.

Узкая тропинка между кустами тальника и высокой травой вела вверх на холм. Вокруг пестрели полевые цветы и красные соцветья вкусной и ароматной ягоды княженики.

Люськино внимание привлек странный предмет. Это была светло-серая круглой; формы коробочка с дыркой посередине. Она лежала в сухих ветках поваленного дерева, окруженная цветущим шиповником.

Надо заметить место и на обратном пути разглядеть. Высокая трава закончилась, и тропинка вывела их прямо на вершину холма к развесистому кедру, росшему на папоротниковой поляне. Толщина дерева была в три, а то и в четыре обхвата. Между его толстыми корнями лежали ДАРЫ.

Медные казаны, чайник, старинные монеты с орлами. К стволу дерева был прислонен настоящий старинный лук со стрелами, облас с веслом, белели черепа жертвенных живот-

ных.

На нижних ветках висели красивые стеклянные бусы и украшения из бисера, а также привязано много ленточек и больших кусков цветной и белой материи. Люська была поражена. Смотрела и все запоминала, молча, не расспрашивая, помня наказ старшей сестры.

Стояла торжественная тишина, только комары жужжали.

Отец в поклоне положил монету к дереву, повернулся и пошел прочь. Дети, так же молча, последовали за ним. Дойдя на обратном пути до примеченного места, Люська ящеркой юркнула в траву, подкралась к коробочке и стала ее трясти, стараясь снять с дерева. И вдруг... Рой ос вывалился из дырки – это было осиное гнездо. Они кинулись прямо в любопытное Люськино лицо и стали свирепо жалить.

– А-а-а-а-а-а, – раздался громкий вопль.

Быстрее ос понеслась девчонка к берегу. Отец с Галиной уже сидели в обласе и ждали отставшую Люську. Окруженная мохнатым облаком, размахивая руками и крича, та заскочила в облас. Отец принялся усиленно грести, и они быстро достигли середины протоки. Здесь дул ветерок, и рой отстал. Люська сидела грустная, смывая с себя речной водой раздавленных ос. Губы и нос распухли, глаза заплыли, а сестра приговаривала.

– Зачем гнездо трогала, сказала – нельзя ничего брать, а ты... Вот и наказала тебя Шаманская гора.

Обласок причалил к берегу. Люська пулей полетела к маме – она была фельдшером. Когда отец и сестра пришли домой, девочка уже лежала в кровати. Мать делала пострадавшей примочки из трав, натирала места укусов чесноком, чтобы снять боль и зуд, и говорила, покачивая головой:

– Сколько же их было? Даже из сапог вытряхивала. Хорошо, что платок на голове был, а то бы в волосах запутались и искусили всю. Охая и жалея озорницу, мать отправилась доить корову Зорьку. Уже был поздний вечер, на небе собрались черные тучи, предвещая грозу. Напившись парного молока, Люська засыпала. За окном гремела гроза. Ей снился шаман. Он бил в бубен, метал в лицо огненные стрелы из старого лука и грозно кричал:

– Не трогай святого места! Не трогай! Никогда-а-а-а-а!

Лужайка

Люська проснулась рано. Тихонечко прошла по коридору мимо кухни, где мама готовила завтрак, и направилась к речке.

Утро было солнечным, и только мокрая трава да лужи на дороге напоминали о ночной грозе. На берегу никого не было. Она немного поплавала и заметила, что держаться на воде стало легче. Тело уже слушалось ее.

С утра было прохладно. Люська замерзла и быстро побежала по дороге в гору, но не домой, а завернула к своему любимому месту в деревне. Это была спортивная площадка. На ней каждый вечер сражались в волейбол рыбозаводская и колхозная команды. Наигравшись, парни «крутили солнце» на турнике – кто сделает больше оборотов. Другие подтягивались на руках. В общем, было много разных развлечений на спортивных снарядах. Дети стайкой стояли в стороне, наблюдали или подавали мяч.

В этот ранний час там никого не было, и она направилась в свое укромное местечко. Между площадкой и небольшим болотцем лежала лужайка, усыпанная желтыми цветами на высоких ножках-стебельках. Вот и сейчас, как показалось Люське, цветы радостно встретили ее. Они уже проснулись и раскрылись. Люська села между ними на траву, стараясь не помять. Вдыхала чистый ароматный воздух, грелась на сол-

нышке, любовалась бабочками, перелетающими с цветка на цветок. Слушала птиц. И вдруг сделала для себя ОТКРЫТИЕ, что все это – ЖИВОЕ, такое же, как она сама. И от этого ей стало очень радостно.

По улице шли люди, и единство с лужайкой; сразу пропало.

– Ну, пока. Я побежала, а завтра опять рано приду, – прошептала девочка, прощаясь.

Музгарка

Зайдя в дом, Люська прошла на кухню. Отец и мама завтракали. На столе стояла большая тарелка с отварной рыбой, уха была налита по-хантыйски – в кружки, зеленый лук со сметаной, белыми; пышный хлеб, молоко в крынке и вареная картошка.

Отец, улыбаясь, спросил:

– Что так рано встала?

– Купаться ходила, – ответила Люська, устраиваясь за столом. Мама всплеснула руками:

– Алексей, скажи ей, чтоб одна не купалась – как бы чего не вышло! Отец весело посмотрел на дочь и шутливо сказал:

– Только далеко не заплывай.

Та приняла все всерьез, кивнула головой в ответ: «Ага». И стала, не отрываясь, пить вкусное густое молоко. А отец продолжал разговор с матерью.

– Ну, что решила? Меняем, пока Никита Степанович согласен, или как? Ты же знаешь, нет больше такой умной лайки в деревне. Да что в деревне – по всему Ваху. Она и щенков своих охоте обучает. В тайге без такой собаки никак нельзя.

– Ладно, бери, – сказала мама с обидой. Отец радостно подмигнул Люське.

– Ты не серчай, Прасковья, она тебе ни одну швейную машинку заработает.

После завтрака Люська пристала к отцу:

– Папа, какую собаку?

– Ты что, дочь, не знаешь лучшую собаку в деревне?

– Музгарка, – выдохнула Люська.

Ее сердце радостно забилось – Музгарка шла на белку, соболя, боровую дичь, медведя и лося. Поэтому щенки ее очень ценились, и не каждый охотник мог их заполучить, а уж о самой и мечтать нечего было.

– Так бы не отдал, – продолжал отец, – да глуховата стала, стареет, а у него молодые собаки есть от Музгарки. Продавать нельзя – обидится и не приживется, а на обмен, да если еще заговорное слово скажет – тогда

можно.

– А когда пойдем-то? – спросила Люська.

– Да вот сейчас и пойдем забирать, пока он не передумал.

По тихой деревенской улице шли двое – коренастый, невысокого роста мужчина со швейной машинкой в руках и маленькая девочка, которая держалась рукой за карман отцовских брюк. Старый охотник стоял возле своего дома, курил трубку. На голове был повязан ситцевый платок, а на плечи накинута сетка, пропитанная

дегтем, чтобы мошка не кусала. Увидев ранних гостей, улыбнулся.

– Пэтья-выла, – поздоровался по-хантыйски.

– Здравствуй, Никита Степанович, – ответил ему отец.

Тот, кивнув головой, зашел в ограду. Вскоре он вывел на веревке Музгарку и сказал:

– Ну, иди. Он теперь твой хозяин, не обижайся. С ним теперь на охоту пойдешь.

Подал веревку.

– А заговорное слово? – спросил Алексеи;

– Сказал уже, – взял машинку из рук отца и пошел в дом.

Возвращались они той же дорогой, но уже втроем: мужчина вел на веревке черно-белую небольшого роста лайку со смешным, скрученным баранкой хвостом, а в другой руке держал ладонь дочери, – и лица их светились радостью.

Привязали Музгарку у крыльца на длинную веревку, чтобы собака могла в жару уйти в тень. Отец поставил в чашке воды и принес еду.

– На, покорми. Пусть к тебе привыкает, – сказал он и ушел на работу.

Музгарка лежала, положив морду на вытянутые передние лапы, смотрела грустными глазами. Люське очень хотелось с ней подружиться. Подошла, погладила по голове, приговаривая разные ласковые слова. Та смотрела на нее умными глазами и пыталась понять, что хочет эта девчонка и почему она здесь.

На другой день собака немного поела. С привязи ее пока не отпускали, хотя все собаки в деревне жили на воле. Прошла неделя. Музгарка жила в конуре на огороде и уже регулярно ела свой корм.

В деревне об этом обмене все говорили с удивлением: как дорого Алексеи; заплатил за Музгарку. Маленькая Люська не могла знать, что тогда, в пятидесятые годы, швейная машинка была для семьи целым состоянием.

Девочка и собака понравились друг другу и много времени проводили вместе.

Однажды, гуляя по улице, Люська встретила Вальку. Она была вредной, за что ей часто доставалось от девочек.

«Ну, все, жди неприятностей», – подумала Люська.

И только хотела быстро прошмыгнуть мимо, как та тоненьким голоском спросила:

– Че, Музгарка-то живет у вас?

– Ага, – буркнула Люська.

– Как же, выкуси, – не стерпела Валька по своей обыкновенной вредности. – Я ее только что видела у Сороминых. Сердце Люськи екнуло: ушла!

Не обращая больше внимания на Вальку, побежала к дому Никиты Степановича. Собаку увидела издали – Музгарка

играла со своими выросшими щенками.

– Музгарка, Музгарка! – покликала Люська.

Та подбежала, виляя хвостом. За ней – щенки, которые стали приставать и ласкаться. Поиграв с собаками, Люська позвала Музгарку за собой. Та не сразу, а немного погодя прибежала и улеглась в конуру. Люська принесла большую миску супа и тарелочку со сметаной, Музгарка съела все.

– Вот и хорошо, – сказала Люська, глядя собаку. – Ты только от нас не уходи, а я тебя сметаной буду кормить.

Время летело незаметно. Вот уже и кедровые шишки стали поспевать – орехи налились молочком. Это было одно из любимых лакомств ребятни из таежной деревни, и все, кто умел лазать по деревьям, занимались их сбором. Молочные шишки зарывали в горячую золу или варили над огнем в ведре с водой, после чего смола не пачкала руки, а орехи становились особенно вкусными.

Вот и Люська отправилась на край деревни, в ближайший лесок за шишками. Вдруг она увидела Музгарку в окружении щенков. Люська, прячась за деревьями, стала наблюдать, как та лапами вырыла нору под пнем, а затем, по очереди беря щенков зубами за шкуру, подталкивала к норе и заставляла совать туда мордочку. Один щенок не хотел, упирался и скулил. Тогда мать стала легонько покусывать его за задние лапки, и упрямцу ничего не оставалось, как подчиниться.

– Значит, правду говорили, что Музгарка своих щенков

учит, – подумала Люська. Музгарка побежала вглубь леса продолжать собачьи уроки охотничьей выучки и воспитания щенков. Люська осталась – зачем мешать?

С тех пор, когда Музгарка исчезала из дома на весь день, Люська знала, где она, и не волновалась. Каждый раз к вечеру возвращалась собака в дом Алексея, признав его своим. А осенью она ушла с новым хозяином в тайгу на промысел.

Ящерка

Люська всегда просыпалась рано. Она любила это утреннее время, когда все звуки громче, а деревня пробуждается не торопясь. Над каждым двором струится столбик дыма от железной печки, на которой варят утреннюю уху. И жизнь начинается заново, без суеты и спешки.

В одно такое летнее утро Люська шла по тротуару вдоль улицы, грея озябшие от росы босые ноги о пропитанные солнцем доски, и чуть было не споткнулась о большого чёрного кота, сидевшего у неё на пути. Кот что-то трогал лапкой, как бы играя, но с опаской.

Любопытная девчонка, конечно же, не могла пройти мимо. Отогнав кота, она увидела ящерку, перевернутую на спинку. Ящерица лежала неподвижно, выставив ярко-жёлтый животик и раскрыв рот с торчавшими мелкими частыми зубками, похожими на щучьи. Люська подумала: «Раз не шевелится – значит, мёртвая».

И, пожалев её, решила похоронить. Взяв в руки щепочки, девочка стала перекладывать ящерицу на листик подорожника. Но как только ящерка перевернулась на бочок, она тут же закрыла рот и быстро встала на лапки. Её серенькая спинка сливалась по цвету с досками тротуара.

– Ах ты, моя хорошая, ожила. Сейчас я тебя в лес отнесу, а то на тебя здесь наступят и раздавят, – хлопоча, пригова-

ривала Люська.

Ящерица затихла, как бы прислушиваясь, и поняв, что ей уже ничего не угрожает, юркнула под доски. Довольная своим поступком, девчонка побежала домой поделиться впечатлениями с отцом. Рассказав всё подробно, Люська тут же спросила:

– Папа, она что, в обморок упала от страха?

– Нет, дочь, – притворилась мёртвой, а сама момента ждала, чтобы убежать. И ужи так делают. Все думают – мёртвый, выбросят его в траву или кусты, а он быстренько, раз-раз, и уползёт. Хитрые они – от смерти спасаются. А ты молодец, вовремя её от кошачьих лап освободила. Без нужды да раньше времени никому умирать неохота, – добавил отец, как бы задумываясь о чём-то своём.

Под впечатлением от произошедшего у девчонки разыгралась фантазия. Может, это вовсе и не ящерку она спасла, а хозяйку Белой горы, что неподалёку от деревни находится, как в той сказке, что ей мама недавно прочитала про Хозяйку Медной горы, которая превращалась в ящерицу. Она чувствовала себя счастливой, еще не понимая почему. А счастье Люськино было оттого, что она впервые спасла чью-то жизнь, пусть даже маленькой желтопузенькой ящерки.

Мамина инспекция

Сегодня день не задался, Люське делать было совершенно нечего, а скучать она не привыкла. В поисках занятия зашла в больницу, там всегда было что-то интересное.

В ожидальной комнате стоял стол, на котором лежало много разных медицинских брошюр с картинками. На стенах висели плакаты. Один очень нравился Люське. На нем был нарисован чум, внутри которого за столиком сидел хант, похожий на Никиту Степановича, и пил чай. А внизу подпись: «Содержи жилище в чистоте!». Миновав эту комнату, она заглянула в другую, где мама вела прием больных. Там тоже никого не было. В перевязочной она укладывала медицинский металлический чемоданчик, который очень смешно назывался, – бикс.

– Мама, ты куда, на вызов?

– Нет, сегодня день обхода, и я иду на молоконку.

Раз в месяц фельдшер обходила деревенские предприятия с инспекцией на предмет гигиены и охраны здоровья. – Возьми меня с собой.

– Нет, дочь, ты мешать будешь.

– Не буду, мама.

– Сказала – не возьму.

– Ну, тогда я сама за тобой пойду, – произнесла Люська твердо и вышла. На молоконку летом, после утренней и ве-

черной дойки, молоко сдавали в большом количестве. Там и масло сбивали. А, как это все делается, Люське очень хотелось посмотреть. Ну, нет, такого интересного мероприятия она ни за что не

пропустит.

Люська медленно шла по улице, дожидаясь маму. Та ее догнала и сказала на ходу:

– Все-таки увязалась. Ну и настырная. Ладно уже, иди, только не мамкай и не мешай. Поняла? – Поняла, – ответила девочка, радостно улыбаясь.

А когда Люська улыбалась, на ее загорелых щечках появлялись ямочки. Глазки, похожие на спелую черемуху, блестящие. Озорное, усыпанное веснушками личико обрамляли распущенные по плечам золотистые волосы. В такие минуты отказать ей было невозможно. Она вся лучилась радостью и задором. Подождав, когда мама войдет в дверь, Люська прошмыгнула следом.

Внутри пахло молоком, сывороткой. Посредине стоял большой блестящий сепаратор. На нем перерабатывали молоко. Из одного рожка вытекали сливки, которые потом превращались в сметану, а из другого обрат – обезжиренное молоко. Все сверкало чистотой. Мама беседовала с заведующей. Увидев вошедшую девочку, та, улыбаясь, сказала:

– А вот и Люся к нам пришла.

Явно стараясь раздобыть строгую фельдшерицу, которая требовала чистоты и все проверяла. Люська это поняла, потому что одну ее сюда никогда бы не пустили, и нахмурилась. Мама посмотрела на нее строго, но ничего не сказала, продолжая делать замечания. – Липучку от мух чаще меняйте. Зайдите в больницу, я побольше дам. Люська, помня данное обещание, бочком вышла на улицу.

Вскоре появилась строгая мама в сопровождении молочницы. Люське нравилось, как встречали ее мать – с уважением, а некоторые и со страхом – как бы чего не написала.

Закончив проверку, мама вернулась в больницу. А Люська помчалась на другой конец деревни к Томке – рассказать, что видела, да попеть песни. Девчонки, сидя на берегу и любясь на реку, орали во весь голос жалостливые песни, услышанные от взрослых: «Маруся отравилась, в больницу увезли».

Но пели они редко, когда уже совсем было нечем заняться. А сегодня был как раз такой день.

Черёмуха

Незаметно подошел август. В лесу поспели ягоды. Грибная пора в самом разгаре. У Люськи было полно дел. Она бегала в лес. Приносила домой полный туесок маслят и красноголовиков. Других грибов она пока еще не знала, а эти ей показал отец и добавил:

– Бери, дочь, только такие, не ошибешься – они съедобные, а другие потом научишься отличать.

Вечером, когда сестры лежали в постели и Люська уже засыпала, Галина доверила ей секрет, что завтра старшие девчонки идут по черёмуху, она уже поспела. А из младших решили взять Люську, потому что она умеет хорошо лазать по деревьям и не боится высоты. Это сообщение Люську очень обрадовало. Старшие девчонки держались особняком и играли в другие игры, а младших не брали, чтоб не мешали. А Люська с Томкой однажды подглядели за ними. Как те, привязав тесемками к пяткам пустые деревянные юрки от ниток, учились ходить на «каблуках» и красили губы помадой, которую утащили в бане у местной портнихи – эвакуированной ленинградки.

После этого младшие при каждом удобном случае стращали их: «А вот расскажем, как вы губы красили», – и те быстро шли на уступки, потому что за такие вольности их ждало суровое наказание от матерей.

Люська засыпала счастливая. Ее берут с собой старшие, а это значит, что признали за свою. Где-то к обеду девчонки собрались возле люськиного дома, стоявшего посредине деревни. У всех с собою; были берестяные туюски и набирки. Их обычно носили на длинной веревке и надевали через голову. Набирка висела на груди, и можно было брать ягоду обеими руками.

– Ну чё, девки, куда пойдём? – спросила Нинка. – За ручей или рыбозаводскую баню? Там и комара меньше – с реки дует, и ягода крупней.

С ней все согласились. Она была старшая и пользовалась авторитетом.

Девчонки пестрой стайкой побежали в сторону рыбозавода. Люська едва за ними поспевала.

– Галька, Галька, – дергая сестру за подол платья, спросила, – ты маме сказала?

– Нет, отстань.

– А отцу?

– Да говорю тебе, нет.

– Ругать будут.

– Если б сказала, не отпустили бы одних. А так черёмухи наберем, мама пирогов напечет.

Довод был веский, и Люська замолчала. Путь оказался

неблизким. Они шли до излучины Ваха по вязкому илу. Там, на высоком месте, называемом гривой, стояла черёмуховая роща. Войдя в нее, девчонки увидели, что все деревья были увешаны гроздьями черной спелой черемухи. Каждый занял себе облюбванное дерево, и начали брать. Нижние ветки обобрали быстро, а лучшая ягода всегда растет на верхушках. Девчата стали звать Люську, наклонить ветки. Люська, ловкая как обезьянка, забиралась на тонкое дерево или хорошую ветку и повисала. Перебирая руками, достигала того места, где ветка под тяжестью ее тела сгибалась. Люська разжимала пальцы и прыгала. Если было высоко, девчонки ее поддерживали и снимали.

Увлеченная крупными ягодами, Люська не заметила, что ветка тонковата, и только повисла на ней, как раздался треск. Она полетела вниз, держа ветку в руках. Было невысоко, да и ветка попалась развесистая, поэтому приземлилась относительно мягко. Раздался дружный смех. Нинка кричала, хочоча:

– На парашюте Люська приземлилась! Ха-ха-ха!

И Люська, опомнившись от испуга, заливисто засмеялась. Потом, уже осмелев, она из озорства так же прыгнула еще несколько раз.

В черёмуховой роще стоял полумрак. Солнце почти не пробивалось через густую крону деревьев, и сборщицы ягод не заметили, как приблизилась гроза. Гром прогремел

неожиданно. Они все собрались под густым деревом, чтобы укрыться от дождя.

– Скоро пройдет. Вон, как льет, – сказала Нинка. – Да и ягоды уже некуда брать, набирки полные. Переждем и домой пойдем.

Девчонки болтали, не обращая внимания на раскаты грома:

– Грунька, а когда твоя мама из черемухи лепешек делает, дашь? Они у ней самые вкусные в деревне.

Люська проглотила слюну. Черемуховые лепешки – такое объедение! Их делали из толченой черемухи, затем сушили в печке, заготавливали на всю зиму. Это было лакомство. Маленькими кусочками клали в рот, как конфетку. Девчонки заговорили о еде – все уже давно проголодались.

А Грунька стояла, слушала, кивала головой.

– Я знаю, почему лепешки вкуснее. Мама по-старинному делает, на рыбьем жире, который в жирварке топится. А ваши матери на постном масле, вот, – подытожила Грунька, как взрослая.

Дождь кончился, девчонки мокрые, но довольные, пошли домой. Было уже часов шесть вечера – никто и не заметил, как время пролетело. Миновали баню, возле которой толпился народ. Вдруг Люська увидела идущего навстречу отца. Дернула за руку сестру. Они остановились, а подружки с пониманием побежали дальше. Вид у отца был грозный.

Кожаная фуражка, которую он всегда носил, была надвинута на самые глаза.

– Где были? Мы везде обыскались. Гроза такая страшная была.

– По черёмуху ходили, – тихо сказала Галина.

– Идите домой. Приду из бани, ремня получите, – коротко сказал отец и пошел.

Под мышкой у него был березовый веник и авоська с бельем. Девчонки приуныли и побрели к дому.

– Бить будет, – сказала Галина.

– Будет, да еще как, – подтвердила Люська.

Помолчав, сказала:

– Я придумала. Давай подушки привяжем, платьем сверху прикроем. Папа ничего не заметит, а когда начнет «ремня давать», нам не будет больно.

Придя домой, поставили туески с черёмухой на лавку в кухне, быстро поели молока с хлебом, густо намазанным сметаной. Ужина дожидаться не стали, пошли в свою комнату. Переоделись в сухую одежду и приступили к осуществлению задуманного.

– Галь, а Галь, так мне подушка во всю спину и до пяток достает.

– Ничего, зато будет не больно, – ответила сестра, привязывая веревкой на Люськиной спине подушку. Затем помогла ей залезть на кровать. Накрывая одеялом, сказала:

– Притворись, что спишь. Папа придет, а мы спим. Вот он нас ругать и не будет.

Согревшись под одеялом, девчонки заснули настоящим сном.

Вскоре пришел отец. Удивился необычной тишине в доме и забеспокоился:

«Шибко тихо что-то, и девчонок нигде нет. Спрятались или убежали... Ведь и пострашал-то только для порядка, чтоб слушались, а то тайга рядом, далеко уйдут, заблудятся – маленькие еще», – думал Алексей, направляясь к детской комнате. Приоткрыл дверь. И перед ним предстала картина – на кроватях возвышались две «горы». Он неслышно подошел к кровати младшей, приподнял одеяло и увидел...

Из-под большой подушки, привязанной к спине, торчала макушка и раскинутые ручки и ножки. Ни дать, ни взять – черепашка. Он видел их во время войны в зоопарке в Австрии, когда освобождал Вену. Смех начал душить его. Откинув одеяло старшей, увидел то же самое. Дивясь хитрости озорниц, развязал и вытащил подушки. Дети спали так крепко, что даже не почувствовали.

– Притомились, родные, – прошептал отец. Вышел, тихонько, прикрыв за собой дверь. А утром сестер разбудил ароматный запах пирожков с черёмухой.

Дядя Вася

Наступил тот унылый период, когда до зимы недалеко, а осень еще не закончилась. Снег, выпавший на незамерзшую землю, таял, превращая дорогу в няшу. Наступила распутица. Ни лодкой, ни лошадью нельзя проехать. Таежная деревня на этот период была оторвана и от соседних селений, и от районного центра. Единственная связь – это рация на почте да радио. Почти все мужское население люськиной деревеньки находилось в тайге на охоте, или, как говорили здесь, на осеневке.

Люська с подружками гуляла по улице. Ноги от долгой беготни по снегу промокли, и девчонки немножко замерзли, но расставаться не хотелось. Старшие сестры, Галка с Нинкой, учились в школе, а сидеть каждому в своем доме было скучно.

Томка предложила:

– Айда к нам. По дороге к маме в пекарню зайдем.

Люська согласилась. Тетя Маша работала пекарем, а для своих ребятишек на домашней сметане пекла крендельки. Томка, Любка и Люська, набегавшись, любили вместе попить чай с молоком и с этими крендельками. Вкусно!

Чтобы сократить расстояние, да и просто еще по летней привычке, пошли через лесок по краю берега. Река уже встала, хрупкий лед покрыло белым, только что выпавшим снегом, и только на середине темнела полынья, которая не замерзала до самых крепких морозов.

Вдруг Люська увидела на той стороне человека. На его голове вместо шапки четко выделялась белая повязка. Он замахал руками и закричал:

– Э-э-э-и;! Перевезите! Перевезите!

Девчонки остановились. Стали прислушиваться, а мужчина все кричал и махал руками. Подружки забеспокоились, их отцы тоже находились в тайге на промысле. И в это время никто не возвращался. Значит, что-то случилось нехорошее.

– Голос как у вашего отца. Я побегу в колхозную контору скажу, а вы к матери, пусть она людей позовет, – распорядилась Люська.

Девчонки быстро побежали за помощью.

Влетев в контору, Люська громко сказала:

– Скорее! Там дядька просит перевезти, и голова у него белым замотана.

Все, кто был, засуетились и побежали к реке. Мужики постелили на лед длинные жерди и, страхуя друг друга, толкая впереди облас, добрались до полыньи и переправились на ту сторону.

Люська не ошиблась. Когда лодка подъехала ближе, все узнали Василия Поликарповича – отца Любки и Томки. На полотенце, обвязанном вокруг головы, проступали кровавые пятна. Бледность лица подчеркивала рыжая борода.

– Скорее за врачом бегите. Меня медведь «поломал». Уж сутки, как на ногах.

Его телогрейка была изорвана в клочья. Один рукав оторван, вата торчала из всех дырок. Пошатываясь и придерживая руку у груди, дядя Вася пошел домой. Люська со всех ног кинулась за матерью в больницу. Избушка, в которой временно проживала большая семья дяди Васи, пока строился новый дом, не могла вместить набежавших сочувствующих односельчан.

Перед врачом все расступились, и Люська тихонько прошла вслед за мамой.

Посредине избы на табуретке сидел дядя Вася и рассказывал.

– Я его давно выследил, а он, видать, меня. Ну, подкараулил и выскочил неожиданно, когда я утром из палатки выходил. Я за дерево раз, спрятался, ружья с собой нет. А он меня лапами из-за дерева и достал. Смотрит, как человек. У меня кровь течёт, глаза застилает, ничё не вижу. Вот я его ножом вслепую – раз, раз. Слышу, рухнул. Бросил всё. Полотенцем перемотал голову и – ходу домой, пока сила еще; есть.

Все притихли, слушая, курили.

При виде врачихи дядя Вася замолк. Она строго сказала:

– Всем выйти. Останьтесь двое мужчин и принесите водки, но лучше спирта.

Тетя Маша подала в кастрюле горячей воды. Качая головой, тихо сказала:

– Ох, и рискованный ты мужик, Поликарпыч, – так она всегда уважительно называла мужа. А он, подмигнув ей, ответил:

– Ничё, Маша. Живы будем, не помрем.

Мама, размочив присохшее кровавое полотенце, осторожно его

сняла.

Общих вздох вырвался у присутствующих при виде снятой кожи

с головы дяди Васи.

– Тихо всем! – крикнула мама. – Спирт принесли?

– Да.

– Быстро сюда. Налейте полный стакан и дайте ему выпить. Дядя Вася выпил, долго отдыхивался и втягивал воздух.

– Ну как, можно приступать, обезболится?

– Давай, Маркеловна.

Обработав рану, врачиха аккуратно наложила лоскут ко-

жи на

место. Быстро обстригла кудрявый чуб – гордость дяди Васи – и стала шить.

– Ой, Маркеловна, погоди. Терпежу нет. Дай еще спиртику, – не то в шутку, не то всерьез попросил он. Ему налили чуть-чуть. Залпом выпив, скомандовал:

– Давай!

Пока врачиха возилась с раненым, двое мужчин придерживали его за спину, чтоб не упал. Плечо тоже было повреждено, а на груди остались глубокие полосы от когтей медведя. Закончив бинтовать израненные места, она сказала:

– Теперь покормите его глухариным супом и пусть отдыхает. А как проснется, сразу меня позовите, я укол поставлю и осмотрю как следует.

Дядя Вася выжил. Сильный организм взял верх. И еще раз его «ломал» медведь, но удачливый охотник победил и в этой схватке. Василий Поликарпович ушел из жизни только спустя двадцать лет. Причиной стали те же травмы от схваток с медведями. Но это было потом, а сейчас деревенские мужики удивлялись везению дяди Васи, и каждый про себя прикидывал – а как бы он поступил, доведись ему так повстречаться с хозяином тайги.

Воровайка

Стоял сильный мороз. Люська сидела дома, на улицу идти не хотелось – холодно. Она быстро нашла себе занятие – открыла сундук и стала примерять мамины вещи. Прохаживаясь перед зеркалом, мечтала, что когда вырастет, будет носить эти туфли на высоких каблуках и эти платья, которые сейчас ей были еще велики.

Вдруг из вороха одежды выпал черный бархатный кисет. На нем с обеих сторон был вышит крест крупным белым бисером. Раньше он висел на стене в спальне, и мама им очень дорожила. Люську же привлекал только бисер. Однажды, тихонечко срезав с одного уголка креста, для «бусиков» кукле, повернула его обрезанной стороной к стене. Чтобы не было видно. Но когда мама это обнаружила, то очень рассердилась.

– Люська, зачем так сделала? Это же мне на память от бабушки Марфы. Он старинный и вышитый оленьей жилкой, а ты все испортила.

С тех пор Люська кисета не видела, мама его спрятала. Девочка взяла кисет, и внутри увидела деньги. Она вспомнила, как мама вчера говорила отцу, что ей зарплату из района почтой прислали. Значит, это и есть ЗАРПЛАТА. Люська поиграла деньгами в магазин и затем сложила их обратно. Но в голове засело, что можно пойти в магазин не по-

нарошку, а по-настоящему, и купить шоколадные конфеты. Они были дорогие, и привлекали своей оберткой. Очень хотелось иметь такой фантик. Люська просила у мамы купить, и та обещала, как получит зарплату. Но мама была на работе, а зарплата лежала дома. Сложив вещи обратно в сундук, Люська стала собираться на улицу, чтобы не думать про эту ЗАРПЛАТУ, а дожидаться маму и пойти с ней за покупками. Но на улице ноги сами привели ее в магазин.

Продавец Михаил Петрович спросил: – Тебе чего?

– Да так, поглядеть.

– Ну, ну, посмотри, погрейся.

На прилавках было всего полно, как казалось маленькой Люське. Лежал и красивый цветной крепдешин, который мама мечтала купить себе на платье. Но говорила, что очень дорого:

– Аж сто пятьдесят рублей за метр.

Девочка подошла к витрине с конфетами. Японка на конфете улыбалась из-за веера и как бы просила купить. Люська не выдержала и побежала домой. Вытащила из кисета три рубля и снова в магазин.

Она отличалась своей нетерпеливостью и решительностью – что задумала, то обязательно сделает не откладывая. Сколько из-за этого страдала! Но характер всегда брал верх, и с этим родители ничего не могли поделать.

Протянув деньги продавцу, быстро сказала:

– Одну конфету с японкой.

– Они называются «Чио-Чио-сан», – подсказал Петрович.

Дома Люська развернула конфету, разглядила фантик и, любясь

им, потихоньку откусывала. Было очень вкусно, и она не заметила, как конфеты не стало.

– Гальке не оставила, – спохватилась Люська. – А, пойду куплю еще одну. Деньги же остались.

Подавая сдачу обратно продавцу, она старательно выговорила: – На все «Чио-Чио-сан».

– Кто тебе деньги дал?

– Мама, – не задумываясь, ответила девчонка.

– Ну, подожди здесь, а я сейчас, – сказал он и вышел.

А Люська

опять с удовольствием стала разглядывать витрину. Через некоторое время он вернулся, взвесил конфеты и добавил

еще полконфетки. Люська обрадовалась – и Гальке, и ей хватит. И только она повернулась к двери, как та открылась, а на пороге появилась взволнованная мама.

– Ты что это надумала, дочь, зачем деньги взяла без спроса, как воровайка? – Мамины слова ударили по лицу, как пощечина.

– А я это сразу понял, когда она с трешкой в магазин пришла. Не могли вы ей дать таких крупных денег. Вот за вами и сбегал. Девчонка не знала, что делать. Первая мысль – бежать. Но дверь загораживала мама, а из-за прилавка вышел Петрович.

Люська заметалась по магазину, и когда мать немного отодвинулась в сторону, выскочила в дверь. Она не чувствовала мороза, щеки горели, в ушах звучало: воровайка, воровайка...

Ей было стыдно. Так папа называл несмышленных щенков, которые таскали куропаток с нарт и воробьев, клевавших овес из кормушки лошади. Добежав до дома, остановилась:
– Куда идти? А уйду из дома, буду жить в интернате.

Идя по зимнику в сторону Ларьяка, каялась:

– И зачем я эти деньги взяла, не дождавшись мамы? Вот теперь все пропало.

Дальше неизвестно что. Она заплакала, слезы замерзали на ресницах. Люська их смахивала и продолжала реветь. К ней подбежал щенок, стал ласкаться, лизать Люське лицо. Она сразу успокоилась. Он один, верный друг Соболько, не бросил ее. Щенок сначала играл, забегал вперед, но потом стал отставать, останавливаться, скулил, как бы звал Люську обратно в деревню. Но та упорно шла вперед, и он снова ее догонял. Начало смеркаться. Зимний день недолог. Три часа – и уже темно.

Высокие кедры стояли по краям дороги как стена, отбрасывая тень. Люське стало страшно.

– Вот замерзну тут и умру назло. Пусть они все обо мне плачут. Ей стало жалко себя, и Люська опять заревела, думая об отце.

– Папа будет искать, волноваться, а если я ему все расскажу? Он

поймет, поймет!

Она развернулась и быстро побежала назад в деревню по узкой темной дороге. Верный Соболько радостно бежал впереди. Уже совсем стемнело.

Замерзшая путешественница подошла к крыльцу, но войти в избу не решилась. Стыдно.

– Заночую в стоге сена, возле сарайки с коровами, там тепло. А утром, когда все будут на работе, зайду. Возьму хлеба на дорогу, оденусь потеплей и снова уйду.

Люська залезла в сено, а Соболько покружился вокруг стога и тоже лег. Потеплело, пошел снег. Люська засыпала в своей «норе», прижавшись к собаке.

Ее разбудили громкие голоса.

– Да вот она, спит.

Тут же отцовские руки подхватили ее. Прижимая Люську к себе, он только повторял:

– Дочка, доченька моя. Нашлась. А мы уж и не знали, что

делать. Всю деревню обыскали. Да по Соболюке поняли, что он около тебя сидит.

У девчонки камень с души спал, и она прошептала в ответ:
– Я не воровайка, мама обещала...

Люську раздели, напоили горячим молоком, растерли водкой и положили в кровать. А ей казалось, что все это во сне – и магазин, и дорога в лесу. Веки ее смыкались, она погружалась в сон. За перегородкой отец говорил маме:

– В колхозе, после отчетного собрания, получу на трудодни тысячу рублей – счетовод сказал. Вот будет тебе на платье из крепдешина, а Люське с Галкой на конфеты. А то ведь правда, давно мы им не покупали. А смотри, мать, Люська конфету-то не съела, сестре оставила, молодец. Ругать я ее не буду. Она сама все поняла, раз из дома от стыда бежать надумала. И ты не ругай, а то снова убежит.

После того случая Люська никогда больше дома ничего без спроса не брала, а тем более в гостях или на улице.

Зимние приключения

Утром, уходя на работу, отец сказал:

– Сегодня морозец. Да и пора уже – конец октября. Ты, дочь, когда на улицу пойдешь, оденься потеплей.

За окном уже светило солнце. Люська собралась и пошла погулять. Выйдя из дома, она увидела, что землю подморозило и снег не растаял, а лежал белым покрывалом.

Вдохнула вкусный морозный воздух. И только хотела пойти на горку, как ее внимание привлек большой навесной замок на двери, весь покрытый пушистой изморозью. Его очень хотелось потрогать или лизнуть. И Люська... лизнула.

Язык прилип к замерзшему металлу. Она так и осталась стоять с разинутым ртом. Как будто собиралась проглотить замок. Ни с места сойти, ни головой повернуть.

Помочь некому. Губы мерзли, язык пекло. Люське стало жалко себя. Она разозлилась и дернула головой. Почувствовала резкую боль и соленый привкус крови во рту. Язык освободился, только белая полоска осталась на замке. Подставив ладони лодочкой, чтобы кровь не капала на пальто, побежала в больницу к маме. Поднялась на крыльцо и стала бить ногами в дверь. Тетя Маша, санитарка, открыла, увидела девчонку с окровавленным ртом и позвала:

– Маркеловна, иди сюда! Твоя опять чего-то натворила.

Пострадавшей быстро оказали первую помощь. Умыли, раздели, выяснили причину. Затем мама развела примочку в стакане и сказала:

– На, опусти язык, только не пей. И сиди здесь.

А сама пошла к больным. Люська осталась на кухне под присмотром тети Маши. Боль вскоре

прошла. Она закрыла рот, сидела молча, задумчиво глядя в окно на горку и катающихся с нее ребяташек.

Посидела немного и, как только санитарка вышла по делам, оделась, не сказав ничего маме, помчалась домой. Схватила новые алюминиевые санки и на горку. Она все лето ждала того дня, чтобы испытать их.

Легкие санки неслись с горки на большой скорости – аж дух захватывало. Люська мчалась, обгоняя ребят, катающихся на деревянных санях. Веселье, смех разносились по улице. Утренняя беда вскоре забылась.

На следующий день Люська задумала в новые санки запрячь Собольку. Он был сыном любимой Музгарки. Молодой крупный пес серой масти, больше похожий на волка. Отец сшил для него специальную упряжь и ходил с ним на рыбалку. Соболько послушно тащил груженные сетями и рыбой маленькие нарты.

Дождавшись из школы сестру, Люська попросила ее по-

держат собаку и помочь надеть упряжь.

Когда все было готово, Люська села на санки. Галька отпустила Собольку, и он понесся что было духу. Около клуба дорога шла под горку, санки разогнались еще быстрее. Вдруг из-за поворота вывернула запряженная в сани лошадь, которой правила калмычка Боярта. Столкновение было неизбежно, но умный пес резко отвернул в сторону, санки накренились, и Люська вывалилась прямо под ноги лошади...

В одно мгновение она увидела над головой заиндевевший лошадиный живот, надвигающиеся на нее полозья саней и просвет между двух ног. В него она и нырнула. Выкатившись на обочину дороги, Люська услышала:

– Тпр-у-у.

Возница пыталась остановить лошадь. От испуга слезы потекли из глаз бедной женщины. Галька стояла как вкопанная, с побелевшим лицом, а Люська поднялась и пошла домой, не чувствуя от потрясения ног. Соболько же как ни в чем ни бывало сидел возле дома и с радостью встречал сестер. Санки валялись рядом.

Родителям они договорились ничего не рассказывать, боясь наказания. Но те все же узнали.

Боярта пришла просить прощения. Она была из высланных и очень боялась.

– Все случайно получилось, никто не виноват, – говорила она с волнением.

– Приходите к нам в гости чай калмыцкий пить.

– Хорошо, мы с Люськой придем, – сказала мама. После ухода Боярты отец строго сказал:

– На собаке больше не катайтесь, иначе ремня получите. А Люську в детский сад для присмотру отдадим.

Калмыцкий чай

Калмыки жили в длинном бараке, специально для них построенном. Он так и назывался – калмыцкий барак. Боярта провела гостей по темному коридору. Открыла дверь в комнату. Пахнуло теплом и ароматом. На плите в казане варил чай Боямуж рты – Ботма. Он приветливо улыбнулся гостям. От этого его узкие глаза сделались совсем как щелки.

В комнате все напоминало привычный калмыцкий быт. Низкий столик посередине. На нем чашки без ручек. На стене висел витой красивый кнут, а рядом кожаный пояс, украшенный серебром, и черная круглая шапочка.

Сели за столик на низкие скамеечки. Боярта спросила:
– Кому длинный чай или короткий?

Как это было интересно и необычно. Люське хотелось по-пробовать того и другого. Боярта, улыбаясь, сказала:

– Давай пиалу, налью.

Люська протянула чашечку. Она разливала чай деревянным

черпаком на длинной ручке. Наливая в пиалу, подняла руку выше – струя удлинилась, опустила – уменьшилась. Казалось, что чай ходил за рукой, как привязанный.

– Вот тебе длинный, а вот – короткий, – говорила Боярта,

при этом не пролив ни капельки.

Все смеялись, было очень весело. Этот вкусный чай варился с молоком, в него добавляли муку и соль. Боярта покраснела. С черными косами, распущенными по плечам, в цветном платке, повязанном тюрбанчиком, она выглядела красавицей.

Хозяева стали вспоминать, как они жили в Элисте и как ездили в гости к родителям в степь. Какой варили там листовый чай с молоком кобылиц.

Вдруг Боярта погрузнела. А мама спросила: – Где они, не знаешь?

– Нет.

– Вам что говорят о выезде? Когда разрешат? – Не знаю. Обещают скоро.

– Поедете?

– Хоть пешком пойду, только б разрешили, – ответила она. Люську разморило. Она прислонилась к маме и под тихий говор задремала. Ей слышался шелест степной травы в этом загадочном слове «Элиста» и топот табуна кобылиц, бегущих по степи.

Девочка проснулась от прикосновения маминой; руки.

– Вставай, дочь. Поздно уже. Засиделись мы с тобой. Спасибо вам за чай, за беседу. Пойдем мы домой, наши уже заждались.

Калмыкам разрешили выезд только через год. Вся деревня провожала их, все от мала до велика. Горько плакали по-

друзи, обнявшись, положив головы друг дружке на плечи. Это была Галина, Люськина сестра, и калмычка Галина, родившаяся уже в этой сибирской деревне. Ее увозили родители на незнакомую родину.

Плакали все – уезжавшие и провожавшие. Путь их домой был неблизким, но радостным. Ведь возвращаться всегда лучше, чем уезжать.

НОВЫЙ ГОД

Охотничий сезон по первому снегу для Алексея с Музгаркой оказался удачным. Много соболей и рыжих лисиц попало в его капканы. Более трехсот белок добыл он в своих угодьях.

В начале декабря деревенские охотники вернулись с промысла домой. Встретившиеся у магазина мужики обстоятельно рассказывали, кто, как и где поохотился. В разговоре с ними Алексей с гордостью добавлял:

– Это все Музгарка добыла, а я только отстреливал. Особо она соболей мастерица загонять.

Отдохнув недельку дома, отец засобирился ехать сдавать пушнину. Ему очень хотелось устроить настоящий праздник – с ёлкой свечами и подарками. Такой, какой он провел в первый послевоенный год в Чехословакии. Конечно, можно было ехать в Ларьяк, в районный; центр, но туда сейчас большинство охотников съезжаются. Всем хочется в конце года пушнину сдать и деньги получить. Решил махнуть в нижевартовскую заготовительную контору. Туда и ехать ближе, можно за три дня обернуться. Да и выбор товаров больше и народу меньше.

Утром рано, когда еще было темно, запряг лошадь. Поверх одежды накинул собачью доху для тепла. попрощался с женой, дети еще спали, и отправился в дорогу. Остановили-

вался только один раз, в деревне Савкино, покормить коня и попить чаю. Короток зимний день. Темнеет рано. Когда солнце уже село за верхушки кедрача, доехал до места.

Пошел третий день, как муж уехал. По вечерам Прасковья с дочерьми слушала радио. У них был хороший приемник «Родина», а не тарелка-репродуктор. «Родина» ловила много станций, поэтому у них часто собирались соседи, слушали радиоспектакли. Люська очень ждала отца. Она сидела тихо и все время прислушивалась – не скрипят ли полозья саней по снегу. Но первой почувяла хозяина Музгарка.

Она залаяла, потом радостно взвизгнула.

– Это папа приехал, – закричала Люська и бросилась к двери. Отец уже сам открыл ее и ввалился в избу вместе с клубами холодного воздуха, весь заиндеветший от мороза.

Дочки повисли на отце с обеих сторон, а он радостно сообщил:

– Сдал все по первому сорту. А вам подарков навез. Ну все, отпускайте, пойду лошадь распрягу да мешок с подарками занесу.

Прасковья быстро накрывала на стол. Управившись наконец-то с лошастью, отец пришел в избу. Разделся, быстро поел. Девчонки терпеливо ждали, поглядывая на большой мешок.

– Ну, теперь будем подарки смотреть, – сказал отец. – Это, девчата, для вас, – раскинул по столу отрез кремового кру-

жевного гипюра. – Вот, шейте к празднику платья.

Мать спросила:

– А что так много?

– Да забрал все, что было. А это – Люське. – Что там, папа?

– Ты, дочь, разверни и посмотри.

Люська развернула сверток. Там было красное бархатное платье. Мама прикинула на нее:

– В самый раз. Галине почему не купил? – строго спросила она.

– Одно было. Я как соболей сдал, так сразу его и забрал. Люська даже присмирела, сраженная такой красотой.

– Нравиться? – спросил отец.

– Красиво. Спасибо, папа, – ответила она, поцеловав отца.

– Ты примерь, а мы посмотрим.

Мама помогла Люське надеть платье, белые носочки и туфельки с пуговками. Девочку поставили на стол и заставили пройтись. Бархатное платье переливалось в свете керосиновой; лампы. Люська в нем походила на маленькую принцессу.

А папа все выкладывал и выкладывал на стол подарки. Еий казалось, что она в сказке, а папа – купец. Затем отец, радостно улыбаясь, подал матери деньги:

– Это тебе на хозяйство, мать. Я же говорил, что Музгарка себя окупит с лихвой;

Новый год встречали очень весело. Дома стояла нарядная ёлка, увешанная игрушками, которые привез отец. Он

прикрутил к ветвям проволочкой обычные свечи и зажег их. Люська с Галькой прыгали от радости и хлопали в ладоши.

Вся семья уселась за праздничный стол, на котором, кроме большого жареного глухаря, холодца и пельменей, стояли невиданные раньше ароматные яблоки, халва, конфеты «морские камешки», грецкие орехи – все это были папины подарки. Такое – редкость в этой маленькой деревеньке, затерянной

в тайге.

Музгарка лежала рядом и за всеми наблюдала. Вдруг она залаяла на елку. Алексей шикнул на нее и... почувствовал запах горячей хвои. Свеча на— кренилась и подожгла елку. Отец быстро сорвал с кровати покрывало и накинул на ёлку, потушив огонь. Но это не испортило праздника. Наоборот, Гальке с Люськой стало еще веселее.

Из радиоприемника зазвучал бой курантов и торжественный голос сказал:

– С Новым годом! С новым счастьем, товарищи!

Медвежата

В апреле, как только начал подтаивать снег, Алексей засобирался на медвежью охоту. А точнее – поднять медведя из берлоги, которую он заприметил еще осенью, когда охотился на Савкинской речке. Для такого дела нужны верные товарищи, которые в трудную минуту не дрогнут. Ведь всякое бывает при встрече с хозяином тайги. Медведь спросонья и с голодухи злющий.

Под предлогом попить чайку пригласил домой знатных охотников – Василия Михайловича и Никиту Натускина. Тут и предложил им вместе идти на охоту.

Мужики долго пили чай, обговаривали все до мелочей и дали согласие. Рядом на полу лежала лайка Музгарка, слушающая их разговоры и всем своим видом показывая, что здесь она главная и без неё на охоте не обойтись. Вдруг в дверь постучали. Вошел Пашка, его-то никто не ждал. Семнадцатилетний пацан, прослышав про охоту, не утерпел и пришел проситься. Решил себя проверить. Мужики подумали и взяли его в компанию. Сами когда-то такими были. Но взяв, строго наказали, чтоб их слушал.

Охотники приготовили все необходимое: проверили крепкие веревки, наладили ружья, а патроны зарядили пулями. Утром рано, молчком, никому ничего не сказав, поехали. Вроде как за сеном. Так повелось, потому что каждая

охота на медведя отличается своей непредсказуемостью.

На место охотники приехали быстро. Лошадей оставили на дороге с Пашкой;. Не стали его с собой брать, наказали, чтоб ждал их здесь. И втроем, на лыжах, в сопровождении собаки, пошли в лес. По пути вырубил подходящую жердь, чтоб ею медведя в берлоге расталкивать.

Берлогу Алексей отыскал по зарубке на дереве и по отдушине на снегу. Жердями нащупали вход в берлогу и стали ими будить медведя. Он не заставил долго себя ждать, зашевелился, заворчал. Охотники отступили к деревьям, чтобы в случае чего схорониться, и приготовились. Но медведь не выходил. Тогда Алексей решил еще раз потолкать его жердью. Но не успел он подойти к берлоге, как зверь выскочил со страшным ревом, встал на задние лапы, как бы защищая вход. Алексей выставил вперед жердь и закричал:

– Стреляй!

Но выстрела не было. Только сухой щелчок прозвучал за спиной. Осечка. Музгарка кинулась на медведя сзади, спасая хозяина, и стала кусать его, садить на зад, как говорят в Сибири.

Мишка оторопел и стал отмахиваться от собаки. Этого момента Алексею хватило. Сдернув с плеча ружьё, он выстрелил почти в упор. Зверь остановился, застыл на мгновение. Разом раздалось два выстрела – это напарники успели перезарядить ружья. Рухнувший медведь лежал неподвижно.

Услышав шорох, Алексей оглянулся и увидел бледного, но решительного Пашку с ножом в руке, стоявшего возле дерева.

– Иди сюда. Грузить будем, – позвал Алексей. Тот подошел, глядя с опаской на медведя и не выпуская ножа из рук. Мужики перемигнулись между собой.

– Пашка, а где ружье? – спросил тихо Никита. – Т-т-ам где-то оставил, на санях.

– А как же ты без него на медведя?

– Так я с ножом, в случае чего.

– А зачем лошадей бросил? Вдруг убегут. Тебе сказали, жди.

– А я это, помочь хотел, а коней привязал к дереву.

– Помочь! – Тут уже Василий Михайлович не выдержал и весь затрясся от смеха. Мужики долго хохотали, наполняя весельем и удалью весенний лес. Оно и понятно – эти трое уже войну прошли, а он, необстрелянный, первый раз в таком деле.

Насмеявшись, охотники стали разглядывать добычу и поняли, что это медведица и у нее есть медвежонок.

Из берлоги, в подтверждение, послышалось сопение и ворчание.

Алексей надел двойные рукавицы, чтобы медвежонок не прокусил руку, и полез в берлогу. Хотя лезть туда было опасно. Ведь иногда вместе с матерью медведицей залегал и го-

довалый медвежонок-пестун.

Но возбужденные удачной охотой мужики уже не думали об опасности. Из берлоги Алексей крикнул:

– Да здесь их двое, кидайте мешок.

Медвежат засунули в мешок, укутали шубой и, загрузив добычу на сани, уже ночью приехали в деревню.

Люська проснулась от какого-то шума и громких голосов, доносившихся из кухни.

«А, так это отец с охоты приехал», – догадалась девчонка и, быстро одевшись, прибежала посмотреть. На полу лежал огромный медведь, вокруг которого, не смотря на поздний час, столпился народ.

Но папы среди них не было. Люська забеспокоилась и вопросительно посмотрела на мать.

Та, улыбнувшись, сказала:

– Все хорошо, иди в дальнюю комнату, там папа тебе подарок из тайги привез.

Дочерям отец всегда привозил из леса подарки от «зайчика» – кусочек сахара, ягоды, конфетку или просто красивую веточку. И дети всегда были рады этим сюрпризам. Люська забежала в комнату. То, что она увидела, превзошло все её ожидания.

В большой коробке лежали два медвежонок, и отец поил их сгущенным молоком. Они наелись, успокоились и заснули. Медвежата спали, прижавшись, друг другу, и чмокая во

сне губами. Маленькие, хорошенькие, как игрушечные, размером с меховую рукавицу – «мохнашку».

Шепотом, боясь разбудить медвежат, отец сказал:

– Вот тебе подарок, ухаживай за ними хорошо, следи и корми вовремя. Ты у них теперь за мать будешь. Поняла?

Люська в ответ кивнула головой и отправилась спать. На следующий день у Люськи перебивали все деревенские ребята. А Люська, гордая за отца, всем разрешала посмотреть на медвежат, добавляя при этом:

– Я у них теперь вместо мамки и молоком из соски их кормлю. А вы побольше сгущенного молока несите, они сладкое любят.

В таежной деревне, где жила маленькая Люська, медведей добывали часто. И на многих домах с торцевой стороны крыши были прибиты медвежьи шкуры для просушки.

Но такой случай – чтобы сразу два медвежонка, да еще один с белой отметиной на шее – это редкостная удача.

И, сидя за большим столом, заставленным жареной и вареной медвежатиной, угощая односельчан, отец в который раз рассказывал, как все было на охоте. И каждый свой рассказ заканчивал одними и теми же словами.

– Это все Музгарка. Она меня спасла и охоту на удачу повернула.

Детский сад

По настоянию отца, после последних приключений, Люську определили в детский сад. Он был переполнен, и мать с большим трудом уговорила заведующую. Сначала Люська его исправно посещала. Вставала рано и первой стучала в еще закрытые двери. В этот час там находилась только повариха. Она впускала девчонку – не отправлять же обратно, и та играла деревянной машиной, которую сделал для детей на пилораме финн дядя Сулла. Все хотели ею поиграть и вырывали с ревом друг у друга, потому что настоящей машины никто в глаза не видел. Но Люська в этом дележе не участвовала. Она успевала наиграться утром до прихода ребятшек.

Возраст посещающих детей был разный – от ясельного до школьного, и все теснились в двух комнатах. Их матери с утра до вечера работали на рыбозаводе или в колхозе. Так что деваться им было некуда, вот и приходилось целый день проводить в четырех стенах или гулять на площадке вокруг детского сада. Постепенно интерес у Люськи пропал. Игрушек на всех не хватало, а у Люськи дома было много, даже настоящая кукольная кровать и шифоньерчик с зеркалом. И еще много книг с цветными картинками. Особенно она любила «Сказки Пушкина», которые ей читала мама перед сном, а здесь сказок никто не читал. Дни проходили одно-

образно, и вскоре она загрустила – ей не хватало свободы. Целый день проводить в огороженном пространстве. Нет, ее вольнолюбивый нрав этого не принимал. Подружки, тоже скучавшие по Люськиным выдумкам и веселым играм, пришли к садиковой ограде, у которой стояла грустная Люська. Поболтав немного с ними, она решилась нарушить запрет.

На дворе весна, тает снег. Оголились на болотах кочки. Люську зовет лес. Какой тут садик! Девчонка открыла калитку и вышла за ограду.

В течение недели во время прогулки Люська регулярно сбегала с подружками, а вечером возвращалась домой как будто из садика. Но это скоро открылось. Родителям пожаловалась заведующая. Люське, конечно, как всегда, влетело от отца. На следующий день утром, как обычно, она отправилась в садик, но по пути решила заглянуть на свою лужайку, проверить, сошел ли снег и можно ли начать играть в лапту. А по— тому опоздала. Стол был уже накрыт. На завтрак была манная каша и вкусное печенье, которое испекла повариха.

Воспитательница строго

встретила Люську:

– Что, явилась? Ну, садись.

Нянечка принесла и поставила перед Люськой стакан чая и два куска черного хлеба. Воспитательница назидательно

произнесла:

– За то, что опоздала, мы тебя наказываем. Печенье не получишь.

Люська сидела молча, опустив голову, ничего не видя перед собой. Слезы обиды душили ее и катились по щекам и подбородку, капая на стол. Все поели и ушли, Люська оставалась за столом с чаем и хлебом, к которым не притронулась.

– Вставай, освобождай стол, – отрезала воспитательница.

Ну уж это было слишком. Люська молча поднялась, оделась и ушла.

Больше она в детском саду не появилась, и напрасно родители пытались ее уговорить. Еще два дня по утрам выходила из дома, пряталась в лесу на весь день, а вечером возвращалась. А когда отец узнал от ребятишек, как ее наказали, он категорично заявил:

– Мы дочь на сохранение отдали, чтобы за ней присматривали, а они ей характер портят. Делать там нечего. Пусть дома сидит. Осенью уже в школу пойдет. Глядишь, и остепенится.

Кукла

Люська дождалась, когда Галька ушла в школу, и приступила к поиску заветной коробочки. В ней сестра прятала своих маленьких куколок.

Детских игрушек, а особенно кукол, в те годы было мало. Поэтому старшие девчонки шили себе маленьких тряпичных куколок. Разрисовывали им лица цветными карандашами, пришивали волосы из шерстяных ниток и одевали в разные платья, которые тоже сами шили из кусочков ткани.

У каждой подружки была своя обклеенная картинками коробочка, в которую их складывали. Вот такую и искала Люська. Она нашлась на дне сундука, стоящего в комнате.

Люська стала брать куклы тайком оттого, что сестра всегда ставила условие: если разрешала ими поиграть, то нужно было выполнить все, что Гальке наказывала мама. Помыть пол, сделать уборку в доме, почистить снег у крыльца. Даже мама не подозревала, что это работа младшенькой, и хвалила Галину. Люське, конечно, было обидно, но она молчала: иначе нарушался словесный договор с сестрой.

Поиграв немного, она сложила их обратно в коробочку и поставила, где взяла, чтобы было незаметно. У Люськи тоже имелась в собственности очень красивая, большая, с закры-

вающимися глазами кукла.

Каждое лето в деревню завозили продукты и всякие необходимые товары на целый год. Привезли и эту куклу. Мама пришла в магазин посмотреть, что привезли.

Деревенские девчонки уже стояли у прилавка и глазели на выставленную куклу. Люська тоже была с ними. Она взяла маму за руку и попросила:

– Купи куклу.

– Нет, дочь, очень дорого.

– Ну, мама, купи! – настаивала девочка.

Диалог между дочерью и матерью продолжался, постепенно переходя в спор.

– Купи. Хочу, – упрямилась Люська. – Хочу, хочу куклу, – требовала она, топая ногами.

Рев ее стоял у всех покупателей в ушах. Продавец не выдержал и сунул куклу девочке в руки, та в гневе не поняла, что дали, швырнула ее на пол. Раздался звук разбитой тарелки. Это фарфоровая нога куклы обломилась по колено, и осколки разлетелись в стороны. Стало тихо, и только слышались всхлипывания настырной Люськи.

Мать молча подняла с пола куклу, взяла за руку заревевшую дочь, наконец понявшую, что она натворила, и вышла из магазина.

С тех пор прошло около двух лет, но безногая кукла оста-

валась любимой и неповторимой. И каждый раз, когда Люська вспоминала, как кукла досталась ей, жгучий стыд разливался по щекам...

Заговор зубов

У Люськи заболели зубы. И чего только не применяли: полоскали травами, делали компресс, клали лекарство, – но этих средств хватало ненадолго. Проходили день-два, и зубы опять начинали ныть. Наконец, отцовское сердце не выдержало, и он не то приказывая, не то прося сказал:

– Да вырви ты ей, Прасковья, эти зубы, они же молочные, легко пойдут.

– Я же зубы не рву, да и не дастся она мне, если только привязать к стулу. А так рот не откроет или вовсе укусит.

Отец решительно взял кривые зубные щипцы и со словами: «Ну, тогда я сам, не велика наука», – подошел к Люське.

При виде щипцов ее как ветром сдуло.

Выбежав на улицу, в одну минуту девчонка забралась на крышу дома по высокой лестнице, и столкнула ее. Родители выбежали следом, а Люська уже сидела на заснеженной крыше в одном платье и босиком, победоносно глядя на них сверху.

– Ну вот, вырвал зуб, – сокрушался отец.

– Слазь немедленно, упадешь, тебе говорят! – А рвать зуб не будешь?

– Не буду.

– Ну тогда ставь лестницу, слезу.

После этого неудавшегося средства оставалось только одно – идти к Клавдии Васильевне зубы заговаривать.

Тетя Клава лечила травмами, заговорами, хотя работала заведующей; школьным интернатом.

Люська, преодолев страх перед этим загадочным словом «заговор», собралась и пошла к Лидке. Войдя в избу, поздоровалась и тихонечко, что не походило на Люську, села на лавку возле входной двери. Лидка, видя невеселую подружку, спросила с сочувствием:

– Что, все болит?

– Болит, – с грустью ответила та.

– Мама, иди, Люська пришла зубы заговаривать.

Клавдия Васильевна вышла из кухни и сказала:

– Сейчас нельзя. Надо на молодую луну. Как будет новолуние, так и приходи.

– А когда?

– Да теперь уже скоро. Чтобы отличить старую от молодой, проведи мысленно палочку, если получится буква «рэ», значит молодая, а если «рэ» наоборот – значит старая, убывающая. Поняла?

– Поняла.

Для любопытной Люськи это было новостью, она даже забыла про зубы. Весь остаток дня девчонка ждала наступления ночи, чтобы луну посмотреть. И, как только появился тоненький месяц, Люська стала мысленно проводить палочку. Получилось «рэ» наоборот. Она вздохнула огорченно и

приготовилась ждать «еще немножко», как сказала тетя Клава.

Зародилась новая луна, а Люська точно знала, что новая, она проверила, мысленно проведя палочку, и получилась правильная буква «рэ», прибежала к тете Клаве.

Та посадила ее на стул и стала что-то шептать, а, закончив, сказала:

– Приди ко мне еще два раза – как стемнеет и хорошо будет видно месяц.

Через два дня, закончив «лечение», тетя Клава дала Люське бумажку с записанным на ней заговором.

– Я тебя тоже научу, будешь сама себе зубы заговаривать, а если не запомнишь сразу, то с Лидкой выучишь, она знает. А теперь слушай: Батюшка месяц, сидишь высоко, видишь далеко. Всех видишь, живых и мертвых, как у покойника зубы не болят, десны не ноют, так и у рабы божьей Людмилы зубы не болят, десна не ноют. Аминь три раза.

Люську так измучили зубы, что казалось, хуже ничего нет, и даже этот заговор с покойником не казался таким страшным. Стоя одна на улице и подняв голову к небу, Люська с большой верой, старательно повторяла слова. И ей казалось, что она растворяется в этом звездном небе, окутанная со всех сторон темной ночью.

На какое-то время боль отступила. Не то заговор помог, не то мамины лекарства.

Жалея дочку и глядя ее по голове, отец успокаивал:

– Ты, дочь, потерпи. Первым парходом поедем с тобой в райцентр, там врач есть, который зубы без боли рвет. Он тебе больные вырвет, а вырастут снова здоровые.

Заинтересованная поездкой в Ларьяк, о которой она давно мечтала, Люська стала ждать ледохода. А ждать осталось немного – на улице таял снег, и на речке уже проступила наледь. Весна стучалась в ворота.

Ледоход

Весна в этом году выдалась ранняя, тёплая. Жители таёжной; деревни с нетерпением ожидали ледохода. Прокоптили и просмолили лодки, починили рыболовные снасти. А на рыбозаводе заготовили тару для хранения рыбы. Ночью раздался треск – лёд тронулся. Разбудив Люську, отец весело сказал:

– Вставай, дочь. Ледоход проспидь. Ночью подвижка льда была. – Ура-а-а, скоро в Ларьяк поедем! – закричала радостно девчонка.

Быстро оделась и бегом на речку.

Люська, как заморожённая, смотрела на ледоход. Большие льдины плыли по течению, толкались, цеплялись краями и при этом величаво шумели: «ши-ши-ши». Маленькие льдинки, наскокивая друг на друга, позвякивали: «дзынь-дзынь». И все эти звуки сливались в единую мелодию, создавая весеннюю песню реки Вах, которую хотелось слушать и слушать. А река, как живая, двигалась, извивалась и уходила за поворот, унося на себе потемневший прошлогодний лёд.

Вот к самому краю берега приткнулась большая льдина. Казалось, она на минуточку остановилась передохнуть. Люська быстро запрыгнула на неё, прошлась, дразня маль-

чишек, стоявших на суше, всем своим видом показывая, что она ничего не боится. Топнув каблуком сапога, отбила кусочек льда, взяла в руки, а он тут же рассыпался на мелкие игольчатые сосульки. По её примеру ребятня тоже принялась откалывать кусочки от льдины. Мальчишки тут же начали ими бросаться, как снежками. Да ещё придумали заталкивать за шиворот всем, кто попадался под руку. Звонкие детские голоса, визг и смех разносились по берегу. Весеннее радостное настроение захватывало всех, кто приходил к реке.

Со вскрытием Ваха однообразная жизнь в деревне оживилась. Началась весновка – большая рыбалка и охота на уток. Но самое волнующее событие с начала навигации было ещё впереди. Это приход первого пассажирского парохода. Его ждали, к его встрече готовились, как к самому большому празднику.

Рыбозавод

На рыбозаводе было три цеха: бондарный – там делали бочки и ящики, разделочный и засольный. Но больше всего привлекал ребятишек ледник. Лед был нужен для игр и шуток. Засунуть кому-нибудь за шиворот в самую жару или просто охладиться, пососать, как конфетку. Вот за ним то Люська и пришла. Да и так посмотреть. На рыбозаводе было интересно, и она любила сюда приходить. В засольном цехе стояли большие глубокие деревянные чаны. В них солили рыбу. Один чан оказался пустым, ко дну его спускалась лестница. Люська подошла к краю чана, наклонилась, заглянула вниз. Не утерпела и ухнула: «У-у— у-у-у!». Эхо раздавалось громко, на весь цех. В это время зашел мастер, стуча по полу деревянным костылем – с войны он вернулся без ноги.

– Девки, «врачиха» пришла. Идите все сюда.

Прячась за ящиками, Люська перебежками продвигалась по цеху в надежде остаться незамеченной. Иначе мама отправит домой, а это в Люськины планы не входило. Но мама уже давно заметила белую дочкину панаму, резко выделяющуюся на фоне темной одежды работниц. Подошла, взяла за руку и сказала:

– Поидём, я тебе крокодила покажу. – Крокодила, где?

– А вот, смотри...

Мама завела Люську в разделочный цех, там на больших столах ножами разрезали рыбу и готовили ее к засолке. А на отдельном столе складывали особо крупную. И среди больших рыбин лежала огромная, действительно похожая на крокодила, щука.

– Вот это да! – произнесла мама.

А мастер подхватил:

– Да и мы удивлены. Знаете, такая не часто встречается. Около двух метров длины! Одна голова чего стоит. И впрямь крокодил. Вся уже мхом обросла. Пришлось рыбакам ей; в голову стрелять. Боялись из невода вытаскивать. Вон какие челюсти у нее.

Щука лежала, хищно раскрыв пасть. Люська спряталась за спину матери и выглядывала из-за неё, боясь подойти ближе. А вдруг укусит. В этих цехах в основном работали женщины. Ссылные калмычки и финки. Они побросали свои ножи и обступили врачиху. Люська со стороны наблюдала, как мама осматривает им руки, затем достает из бикса мазь и бинты и перевязывает изъеденные солью с множеством порезов ладони и пальцы.

– Что же вы себя не жалеете? Так и без рук остаться можно, не запускайте, – говорила мама. – Приходите почаще в больницу на перевязки. Те с озорством наперебой отвечали:

– До свадьбы заживет.

– Некогда.

– Норму надо выполнять.

– Сами приходите к нам почаще.

Закончив осмотр, мама поманила дочь пальцем и направилась к выходу. И любопытной Люське ничего не оставалось, как нехотя пойти за ней.

Груженные рыбой неводники подходили один за другим. А женщины, взяв носилки, выходили на рыбозаводской причал перетаскивать в цех рыбу, соль и лед.

В эти длинные северные дни рыбозавод походил на муравейник. Начиналась путина...

Лягушачья икра

Расставшись с мамой у больницы, Люська отправилась по одному неотложному делу. В ближайшем к дому болотце лягушки наметали икру. Его заливало только весной, и вода в нем быстро прогревалась. Лягушки и облюбовали это болотце для вывода своего потомства.

Икра плавала целыми гроздьями. Такие кругленькие, прозрачные икринки с черными точечками внутри. Люське очень хотелось поймать эту икру, потрогать и поближе разглядеть. Она стала на кочку, заросшую багульником, и попыталась ловить, но икринки выскользывали из рук и все дальше отплывали. Люська все тянулась и тянулась. Невольно шагнула... и одной ногой оказалась в воде. Так стоять было неудобно, да и все равно туфелька намокла, и она встала обеими ногами в болото, прямо в белых носочках. Увлеченная ловлей, девочка уже не замечала, что подол любимого платья, вышитого васильками, намок и перепачкался торфяной жижей.

Заветная икра была совсем рядом. Она сначала потрогала ее в воде, затем взяла в руку, но та выскользнула. Поняв, что так просто икру не взять, Люська сорвала панамку с головы, зачерпнула икру, как сачком, и понесла домой.

Бережно переложив свой улов в ведро с водой, она спря-

тала его в кладовку. Потом постирала одежду и развесила ее сушить.

Вскоре пришла мама на обед, а заодно и проверить, чем занимается дочь. Увидела висевшие на веревке тряпки коричневатого цвета, напоминающие дочкину одежду.

– Так, – сказала мама, взяла в руки всегда стоящий у крыльца прут и, пряча его за спину, зашла в избу.

Люська рисовала, сидя за столом. По выражению мамино лица она поняла, что ее сейчас будут бить.

– Что это там висит?

– Где?

– На веревке во дворе. – Да это я платье постирала. – Так где же ты в нем была?

– В болоте.

– В болоте!? В белом платье, белых носочках и белой панамке! Да я все утро гладила и крахмалила, чтобы ты как человек походила. Перед людьми стыдно: вся в кедровой смоле, подрванная, на руках и ногах цыпки.

Я от людей чистоты требую, а ты – как поросенок в луже. Но все, мое терпение кончилось.

Мама вытащила Люську из-за стола и огрела ее прутом. Та взвизгнула и юркнула под кровать. Забилась в самый дальний угол. Это было ее убежище. Мама попыталась вытащить Люську, но кровать была с пружинной сеткой, крючки тор-

чали низко и цеплялись за волосы. Она потыкала прутом в сторону Люськи, но это было уже не страшно. Еще немного пошумела, покричала и ушла на работу. Девчонка вылезла, как только дверь захлопнулась, и посмотрела в окно.

Мама шла по улице.

«Значит, уже не вернется», – подумала Люська и от устройства легла спать.

Про свой секрет она никому не рассказала, даже любимой подружке Лидке. Бегала в кладовку каждый день. Наблюдала. В икринках уже вместо черных точек двигались маленькие головастики с хвостиками без лапок.

Прошло несколько дней. Вернувшись как-то домой после прогулки, Люська увидела свое ведро, стоявшее у крыльца. В нем было пусто. Ее охватили беспокойство и гнев. Забежав в дом, девочка закричала:

– Где? Куда дели? Я узнать хотела, а вы! Отец с удивлением спросил:

– Что где?

Мама стала ему объяснять:

– Это чудо притащило из болота лягушачью икру. Я споткнулась сегодня о ведро в кладовке, давно его потеряла, смотрю – а там кишмя кишат головастики. Ну, в болото унесла и вылила. Так что не пропали твои головастики. А в ведре с голоду погибли бы, – сказала она, обращаясь к дочке.

– Так я хотела посмотреть, как лягушки получаются, –

кричала Люська с вызовом.

Отец захохотал:

– Так что, мать, может, ферму лягушачью заведем. Я слышал, что есть такие во Франции, там лягушек едят.

– Едят? – переспросила мама. – Не может быть!

– Все может. Французов же не зря «лягушатниками» звали на фронте. Ну, дочь, иди ко мне, – посадив Люську на колени, прижал ее одной рукой к себе. Та сразу успокоилась и доверчиво прильнула к отцу. – Слушай, как лягушки получают.

Но она и так уже была вся во внимании, и отец начал рассказывать:

– Из икры получают головастики, но это ты уже видела. Они растут. У них появляются передние

лапки, но задних еще нет.

– А что они едят?

– Личинки комаров, мошек, мух. Ну, в общем, все, что в болоте водится. Затем у них вырастают задние лапки, но хвост еще

не отпадает. Вот это уже ближе к лягушке. А уже потом, когда хвост отпадет, значит, выросла настоящая лягушка.

– А они полезные?

– Полезные. Они комаров едят. Ну, иди, побегай, а я съезжу быстренько, сети проверю.

Вечером Люська была на удивление послушной. Перед сном тщательно вымыла ноги и руки горячей водой. Мама намазала их сметаной, чтобы обмякли и зажили цыпки и царапины.

– Мама, мама!

– Что?

– У меня цыпки плачут.

– Как это? Не придумывай.

– Так они же цыпки, а цыплята плачут.

– Ложись в постель, спать пора, выдумщица.

Люська засыпала успокоенная. Теперь она знала, как лягушки получают.

Последний шаман

По деревне разнесся слух: Семен Кыкин с Григорием и Никитой Натускиными добыли медведицу с медвежонком. И по всем правилам устраивают Медвежий праздник. Сам Семен принадлежал к шаманскому роду, когда-то могущественному и многочисленному. Детей с женой Дарьей у них не было, он жил в родной таежной деревне, занимался рыбалкой и охотой и ничем не отличался от других сельчан, разве что удачливостью да особым уважением со стороны ханты. Люська с подружкой Лидкой сговорились тоже пойти посмотреть на праздник. Они никогда еще такого не видели. Звук бубна и пение на хантыйском языке разносились над деревней, привлекая и создавая жутковатую таинственность. Девчонки как-то неуверенно, с опаской подходили к избе.

Протолкнувшись между плотно стоявшими людьми, даже пришлось проползти между чьих-то ног, Люська оказалась впереди всех. В полутемной избе на столе, в широком деревянном блюде на лапах лежала голова медведицы, покрытая цветным платком. На глаза были положены старинные монеты. Вдоль стены на лавке сидели женщины в национальных платьях, повязанные яркими платками так, что они полностью закрывали им лица. И сколько Люська ни вглядывалась, никого не могла узнать.

На середину комнаты, пританцовывая и играя в бубен, в красивой шапке, расшитой бисером, и берестяной маске, вышел шаман и начал камлать. Зазвучала ритуальная песня. Люська осмотрела всех находящихся в избе в надежде найти подружек. Наконец увидела Груньку, тоже в платке, но не так глухо завязанном.

Подошла и спросила шепотом:

– Грунька, а чё он поет?

Та стала старательно нараспев переводить:

– Низвел медведя – проси прощения. Ведь он предок человека. Он спустился на Землю с неба. Человеком был, братом был. Зачем убивать брата? – и добавила от себя, – Вот и извиняются песней и пляской. Чтобы не обижался.

– А сколько праздник будет идти?

– Отец говорил, четыре дня и четыре ночи. Потому что медведица. – А если медведь, то сколько?

– Тогда пять дней и пять ночей. А потом кости закопают в священном месте.

Люське стало страшновато, и она потихоньку отодвинулась к двери. Там оказалась Лидка. – Где ты была?

– Да тут стояла с отцом. – Видела шамана?

– Нет.

– А я видела.

Лидка сразу кинулась смотреть, чтобы не отстать от Люськи, а та осталась ждать ее. Рядом стояли деревенские мужи-

ки и перешептывались между собою;.

– Слышь, как душу отводит, Семен-то. – А кто ему разрешил?

– А никто. Он председателя Совета не спрашивал, а тот и не запрещал, и не разрешал.

– Так что ли выходит?

– А уполномоченный из райкома приедет, тогда чё?

– Че;, че;. Ты не побежишь докладывать, и я не побегу. И никто не побежит.

Любопытная Люська вслушивалась в разговор, и до ее уха долетел тихий голос лидкиного отца Василия Михайловича.

– Я с Семеном рыбачил в протоке, напротив Шаманской горы.

Ну, порыбачили днем, сети на ночь оставили, а сами в палатку легли. Я ночью просыпаюсь, вышел к кустикам. Голову-то поднял, смотрю. А Семен от Шаманской горы через протоку по верху воды идет... и не тонет. Меня такая жуть взяла. Я в палатку бегом. Притворился, что сплю. Слышу, он зашел и тоже лег.

– Вот такая у него сила есть.

– Ну а чё потом?

– Ни чё. Я виду не подал, что видел. Порыбачили. Помню, много

рыбы добыли и домой поехали.

– И ты, Никифор, молчи. Не больно рассказывай, а то беду

накличешь.

Став случайной обладательницей тайны, под сильным впечатлением Люська выбежала на улицу. И решила тоже об услышанном никому не рассказывать, боясь кары шамана. Она еще не забыла своего приключения на Шаманской горе, когда не послушалась наказа старшей сестры.

Через некоторое время Семен со своей женой переехал жить в более глухое селение – Лобчинские юрты. Больше Люська никогда не видела Медвежьего праздника.

И только спустя годы она поняла, что это был последний настоящий праздник последнего шамана.

Чудо природы

Весной, когда припасы были на исходе, белый хлеб в деревне пекли два раза в неделю и давали по две булки в руки. Но все равно на всех жителей не хватало. Поэтому ребятишек отправляли очередь караулить. Вот и сегодня они собрались у магазина, который стоял у самого края высокого берега.

Чтобы скоротать время, устраивали игры. Пускали кораблики и строили запруды в ручьях талой воды, стремительно несшихся с горы в речку.

Вдруг Люське нестерпимо захотелось подойти к двери магазина. Она подчинилась этому желанию. Не понимая почему, посмотрела на Шаманскую гору, она была отсюда хорошо видна. Взялась за железную скобу и... увидела перед собой желто-белую вспышку. Больше она ничего не помнила.

Очнулась Люська в больнице. Мать совала ей под нос наштавь и шлепала по щекам.

– Доченька, слышишь меня?

– Слышу.

Она спросила стоявших вокруг подружек.

– Расскажите, как все было, что вы видели?

Томка затараторила, нажимая на «р» и краснея от важности момента. За картавинку сестры прозвали ее «мороко» – молоко. Да так и прилипло к ней это прозвище.

– Мы играем в р-ручье, смотр-рим, Рюська на гору под-няр-рась. Вдр-руг морния – она упара, а Варька закричара, что Рюську уби-ро.

Всех в деревне удивило это явление. Еще снег не весь сошел, огороды не пахали, откуда было молнии взяться?

Вечером мать жаловалась отцу:

– Все дети, как дети, а наша Люська – чудо природы. Ну почему с другими ничего, а с ней всегда что-то.

– А ты, мать, наверное, забыла, как в погреб слетела, когда Люську в себе носила. Тогда все обошлось благополучно, если не считать того, что родилась девчонка с вывихнутым пальцем на руке. Вот с тех пор так все и идет.

Люська отлежалась в постели, и на следующий день как ни в чем ни бывало носилась по деревне.

Удар по Люське оказался предупреждением. В тот год лето выдалось грозovým, и беда все же не обошла деревню – молнией убило молодую финнку Хилму.

Первый пароход

Мама пришла с работы в хорошем настроении и весело сказала:

– Только что на почту по радиации сообщили, что пароход вышел из Нижневартовска, а значит, завтра утром будет у нас. И мне медикаменты выслали, – добавила она.

На следующий день с самого раннего утра Люська собрала подружек, и они отправились занимать позицию для обозрения реки на самом высоком месте. А секрет заключался в том, что это место находилось как раз во дворе Томки и Любки. Девичья компания уселась под ёлку, которая росла на самом краю высокого берега. Перед деревней река делала петлю, и, когда пароход проходил по ней, огибая мыс, капитан давал гудок, извещая о своем приходе. Услышав его, жители деревни, побросав работу и домашние дела, бежали на пристань. И в этот раз так же. Услышав сигнал, девчонки стали ждать, вглядываясь вдаль и соревнуясь между собой, кто первый увидит. И только пароход показал нос из-за мыса, как они в один голос закричали:

– Пароход! Пароход идет! – и побежали по улице, неся радостную весть. – Пароход идет!

Принаряженные жители вышли на пристань. Каждый ждал этой встречи по своему. После долгой зимы и распутицы снова возобновлялось сообщение между деревня-

ми, и уже не чувствовались оторванность и отрешенность от «большой земли».

На пристани люди встречались, разговаривали, передавали со знакомыми приветы и посылочки с гостинцами, обменивались новостями. Но в основном приходили просто как на праздник: на людей посмотреть да в буфет сходить. Так уже было принято – в пароходном буфете обязательно что-нибудь покупать. И почти каждый к такому случаю припасал немного денег.

В общем, деревня с нетерпением ждала прихода первого парохода, и чем ближе он подходил, тем больше волновались встречающие. Пароход к пристани шел быстро, загребая колесами воду и сверкая на утреннем солнце белизной и необычной чистотой. Он плавно ткнулся носом в берег, подставив к берегу борт, на котором было написано «Баррикадист». Все дружно прочитали новое название. А ведь раньше ходил «Елизаров». Вот эта была неожиданная новость.

– А капитан кто? – заговорили на берегу. – Старый или новый?

Капитан через рупор отдал команду, пароход пришвартовался, матросы закрепили чалки. И как только установили два трапа, народ повалил на пароход.

Его уже было ничем не удержать. Люська стояла с родителями, смотрела на капитана, сходящего по трапу на берег. Он был под стать новому пароходу: такой же красивый, в белом кителе, но самое главное, что капитан тот же, что

и в прошлом году ходил на «Елизарове». К ним-то он и подошел.

– Здорово, Алексей Михайлович.

– Здорово, Афанасий, коль не шутишь, – ответил отец.

Они пожали друг другу руки.

– Ну что, просьбу мою выполнил или как? – спросил капитан.

– А как же. Пойдем, поглядишь. Пассажиры тебя давно ждут, – с улыбкой ответил отец, и они ушли. К маме подошел матрос. – Вы, что ли, врачиха будете?

– Да, я.

– Вот вам из больницы передали, – и протянул маме пакет.

Та с удивлением спросила:

– Это все?

– Все, все, – и убежал.

Мама развернула посылку, а когда увидела содержимое, заплакала. Люське было жалко маму. Кругом такой праздник, а она плачет и приговаривает:

– Как же я теперь работать буду. Две баночки ихтиоловой мази и десять штук бинтов – это все медикаменты. Опять придется травы заваривать.

– Мама, мама, – тихонько позвала Люська, – а на пароход ты не пойдешь?

Надеясь, что мать сходит в буфет, где продавали разные вкусности, и что-нибудь купит ей.

– Нет, я пойду письмо в районную больницу напишу и с

пароходом в Ларьяк отправлю. А ты побудь здесь. Отца подожди.

Стоя на пристани, девчонка наблюдала за веселой суетой на берегу. Раздались крики ребятишек:

– Медвежат ведут!

Люська оглянулась и увидела, что отец на длинной цепи вел медвежонка, а следом за ним капитан вел второго, с белой меткой на шее. Это были Машка и Мишка. Теперь Люська поняла, для чего отец медвежат добыл. Он их капитану обещал. Подбежали матросы и, забрав медвежат, помогли им идти по трапу. А те, косолапя и рыча, очень ловко забежали на пароход. Через некоторое время Машка и Мишка уже сидели на верхней палубе, держа в лапах банки со сгущенкой, и с удовольствием лакомились. Ребятишки хохотали, глядя на этот бесплатный цирк.

Люське было жаль их отдавать, но и дома подросших медвежат держать уже стало опасно. Каждую навигацию пароход увозил с Ваха медвежонка, а то и двух. А в деревне говорили, что капитан сдает их в зоопарк или цирк. А пока, до самой осени, как достопримечательность и неотъемлемая часть парохода, они жили на палубе рядом с рубкой капитана. Сидя на длинной цепи, медвежонок развлекал пассажиров всю навигацию, пока пароход не уходил в город Новосибирск на зимнюю стоянку.

Отец сошел с парохода в хорошем настроении и протянул дочке кулёчек с конфетами. Люська была счастлива – про нее не забыли.

Капитан дал первый гудок. Обычно гудка было три. Деревенские жители, подгулявшие в буфете, уже нестойко сходили по трапу на берег. После третьего гудка убирали трап, поднимали якоря, и пароход отчаливал от берега.

Время стоянки быстро истекло.

Но то, что произошло дальше, рассмешило всю деревню. Пароход сначала разворачивался носом на середину реки, гребя деревянными лопастями колес, а корма какое-то время еще находилась вблизи от берега. И вдруг все увидели бегущую по палубе Прусальку. Она задержалась в буфете. Прибежав на корму, девушка остановилась в растерянности, а полоска между кормой парохода и берегом быстро увеличивалась. Прусалья заметалась. Она, как и все ханты, плавать не умела, а расстояние до берега всё увеличивалось. С берега кричали:

– Прыгай! Прыгай!

В ответ кричали матросы:

– Лодку! Лодку давай. Мы её пересадим.

А девушка всё металась на корме. И вот, наконец, решилась прыгнуть в воду. Двое молодых парней кинулись на помощь, выловили её из воды живой и невредимой. Отжимая одежду и ругаясь во весь голос, она искала деньги – три руб-

ля, спрятанные под кофточкой в укромном месте. Наконец, нащупав их на своем месте, под общий хохот односельчан, стоя по колено в воде, она провожала пароход вместе со всеми, пока тот не скрылся за песчаным мысом перед Белой горой, подав на прощанье гудок. Капитан торопился, впереди был долгий путь до Ларьяка, и все живущие дальше по реке люди так же с нетерпением ждали первый пароход.

Путешествие по реке Вах

Пароход всегда приходил к обеду, и времени на подготовку поездки было достаточно. Еще вечером мама начала собирать Люську в дорогу, примерять прошлогоднюю летнюю одежду. Но оказалось, что девочка за зиму выросла, и вещи стали малы. Мама вспомнила, что есть одно платье – его покупали старшей Галине как школьную форму. Оно было серого цвета, а не коричневого, как того требовали школьные правила. Потому новое платье так и осталось лежать в сундуке. Мама быстро достала его и надела на Люську. Платье сидело на девочке так, как будто специально для нее было сшито. Конечно, длинновато немного, но обрезать не стали – оставили на вырост. На ноги надели прошлогодние туфли сестры, правда, чуть стоптанные, но с этим уже не считались. На голову повязали шелковую косынку. Люська, глянув на себя в зеркало, увидела маленькую старушку, но спорить не стала: уж очень ей хотелось поехать с отцом в Ларьяк.

– Ну вот, Алексей, собрали в дорогу дочь, прилично выглядит. Я тут список покупок написала. Сейчас завоз товаров – приоденешь её, форму для школы купишь, – сказала мама.

Все отправились спать. Люська долго не могла уснуть, все мечтала, строила свои детские планы и потом незаметно задремала.

По утру первым делом девочка побежала на кухню – посмотреть, собрала ли мама походный вещмешок, как говорил папа, «по-солдатски». Все было готово, и Люська, успокоившись, приготовилась ждать.

По деревне пролетело: «Пароход идет!». Отец взял вещи, все присели на дорожку и семьей отправились на пристань. Посадка на пароход шла бойко, да и пассажиров было немного. После Нижневартовска и Савкино деревня Больше-Тархово, где жила девочка, была третьей остановкой на всем длинном пути по Ваху.

Люська бегом вбежала на палубу и, как это было принято, стала махать маме на прощанье рукой. И вот уже деревня скрылась за мысом: началось путешествие.

Набегавшись по ступенькам многочисленных лестниц и исследовав все палубы, кроме верхней капитанской, любопытная девчонка заглянула в машинное отделение. Да это и не составляло труда: находилось оно посередине нижней палубы, огороженное металлической сеткой. Огромные цилиндрические валы с шумом и уханьем двигались, подобно челноку в швейной машинке. Это было завораживающее и, в то же время, пугающее зрелище.

– Ты что здесь делаешь? Ну-ка, марш отсюда! – прикрикнул на нее подошедший механик. Люська, и без того перепуганная, рванула бегом к отцу в каюту. Он мирно разговаривал с попутчиками. В районный центр ехало немало народу – разного и по всяким делам.

– Люська, где ты ходишь? Пора обед готовить. Пойди, помой картошку, – попросил папа.

Девочка взяла походный котелок и вышла из каюты. Сделав работу, она снова прошла по нижней палубе, чтобы взглянуть через сетку на паровую машину, но ей уже не было так страшно. Успокоившись, Люська вернулась в каюту.

– Я на камбуз – картошку варить. А ты, дочка, стол накрывай.

Люська посмотрела на отца с удивлением:

– Камбуз – это что?

– Так кухня по— морскому называется. Ты изучай, здесь много разных новых названий, мы же на корабле, а не на суше, – пояснил отец.

Люська стала распаковывать вещмешок. Сверху мама положила две маленькие подушечки-думки и суконное одеяло. А под ними находились продукты: баночка топленого масла, соль, вареные утиные яйца, соленая вяленая рыба, бутылка молока, хлеб, сало, зеленый лук, баночка щучьей икры, сахар, чай и мешочек с картошкой. С таким багажом путешествовали все местные жители в те времена. Холодильников не было, вот и брали в дорогу те продукты, что не портились. А когда пароход приставал к деревьям, то знакомые несли пассажирам молоко, вареные яйца и пироги. Буфет, конечно, работал, но в основном там продавали сладости. Правда, в

начале рейса, в буфете можно было купить диковинную рыбу – селедку из бочки, а еще залитую салом колбасу, которую хранили тоже в бочке, чтобы не испортилась – называлась она «Украинская». Люська быстро разобрала вещмешок, поставила все на откидной столик у окна, между спальными полками. Каюта, в которой они ехали, находилась на носу парохода и скорее напоминала казарму с двухъярусными деревянными кроватями, установленными в несколько рядов. Лежа на верхней полке, было очень удобно наблюдать, как разбиваются волны о нос парохода, а брызги летят на иллюминаторы. Люська задремала: сказались волнение и хлопоты перед дорогой. Ее разбудил голос отца:

– Вставай, дочь, обедать будем.

На столике в центре стояло главное блюдо – вареная картошка. Соседи по каюте принесли свою снедь и стали угощать друг друга. Больше всего понравилась всем щучья икра и малосолёная вяленая рыба с зеленым луком и картошкой. Обед запили чаем с сухарями и пошли гулять по пароходу. Люська, схватив отца за руку, не отступала от него ни на шаг. Когда подошли к машинному отделению, отец остановился, чтобы полюбоваться силищей, которая двигала пароход вперед. И Люська, встав на цыпочки, тоже заглянула в отверстие на заграждении. Вдруг за её спиной раздался громкий голос:

– Ты опять здесь! Я же говорил – не подходи!

Люська спряталась за отца.

– Ну чего кричишь? Перепугал девчонку! Посмотрим и

уйдем на палубу к капитану, – ответил отец.

– Туда нельзя, там медведи, пассажирам запрещено.

– Мне можно, это мои медведи, – отрезал отец. И, взяв Люську за руку, сказал: – Пошли Машку с Мишкой ведем.

Поднявшись с отцом в рубку капитана, Люська увидела много нового для себя. Похожие на часы приборы со стрелками, штурвал, который крутил вправо и влево матрос-рулевой. Еще капитан лично дал Люське посмотреть в бинокль. Чудо! Все было так близко, даже нос медвежонка оказался совсем рядом. На самом же деле медвежата, прикованные длинными цепями, сидели на большом расстоянии от девочки. Они свободно передвигались, играли на верхней палубе. Здесь же спали в специально сколоченной для них будке.

– Как они? – спросил Алексей, кивнув на медвежат.

– А, нормально, вроде, обвыкли, – ответил капитан. – Можно я подойду? – спросила Люська. – Только руками не трогай, – усмехнулся капитан.

Люська подошел поближе и позвала: «Маша, Миша, идите ко мне». Подросшие медвежата подбежали и внимательно посмотрели на девочку. Люське вдруг показалось, что они узнали ее. Через какое-то мгновение медвежата запрыгали, принялись рычать, и как-то подскуливать, как бы жалуясь и укоряя – «Зачем нас сюда отдали?». Люська чуть не расплакалась от жалости, сорвалась и убежала. Стоя на палубе и на-

блюдая за речными берегами, она размышляла: «Зачем это люди родителей медвежат убивают, а потом их в неволе держат? Жили бы они себе в тайге своей медвежьей жизнью».

Тем временем пароход подходил к первой большой пристани – юрты Лобчинские. Заиграла музыка. Пароход, сбавив скорость, под команду капитана «Стоп машина!» приткнулся носом к берегу. Матросы забежали, выбрасывая чалки и трап с носа парохода. Два пассажира стали подниматься на палубу, здороваясь со знакомыми. Люська наблюдала за стоявшими на берегу жителями маленькой деревни. На них были платки и дегтярные сетки, накинутые на головы, в маленьких баночках дымились привязанные к поясу дымокуры.

Все это снаряжение спасало от туч комаров, которые летали вокруг и не давали жить спокойно.

Эта деревня отличалась от других тем, что здесь располагалась метеостанция. С палубы был хорошо виден большой дом, весь в антеннах. Пассажиры и жители переговаривались между собой, почти все они знали друг друга. К пароходу подбежал бородатый мужчина, одетый по-городскому, в свитере. Протягивая письмо, обратился сразу ко всем: «Возьмите, передайте начальнику метеостанции в Ларьяке, а то у меня рация вышла из строя. Здесь метеонаблюдения и список запчастей. Пожалуйста!». «Ну, давай, передам, – откликнулся отец, – а на обратном пути встретишь».

Пароход, извещая об отправлении, дал гудок и отчалил от

берега. С приходом июня начиналась настоящая весна. Распускалась черемуха, ее густые заросли по берегам реки и ручьев зацветали пышным белым цветом, и аромат стоял такой, что кружилась голова. В «большую воду» можно было сократить путь и пройти по протокам, но тут все зависело от капитана – знает ли он русло реки так, чтобы не сесть на мель. Пароход проходил, чуть не протискиваясь между берегами с цветущей черемухой так, что её можно было рукой достать. Солнце садилось, и красный закат отражался на воде. От всего увиденного Люська пришла в восторг, ей захотелось петь. Первое, что пришло на ум, – песня из известного кинофильма: «Плыла-качалась лодочка по Яузе-реке».

Переночевав на твердой полке, Люська чувствовала себя немного неуютно. Девочка попила чаю с печеньем из буфета и пошла прогуляться по пароходу. День обещал быть теплым, по палубе гулял ветерок, и комаров не было. Пароход приближался к очередной деревне. Она располагалась на пологом берегу, возле самой воды. Несколько старых домов и засольный пункт. Пароход ткнулся носом в берег. Не спуская трап, передали почту. Пассажиры с палубы кричали деревенским жителям: «Когда вы переселитесь? А то опять затопит, плавать будете». С берега отвечали: «Скоро, как только дома построят». На противоположном берегу, заросшем деревьями, строились дома под новую деревню Охтеурье.

В течение трехдневного путешествия Люська на все смотрела с интересом, изучала названия деревенок, юрт и засоль-

ных пунктов – Кирилкины, Лобчинские, Охтеурье, Усть-Коллик-Ёган, Пуг-Юг. Эти названия звучали для девочки совсем по новому, будто она открывала для себя новые страны. Потому, что она наблюдала, как протекает в них жизнь.

Ларьяк

Девочку разбудил отец:

– Дочурка, просыпайся, к Ларьяку подъезжаем.

Люська быстро оделась, собрала вещи и скоро уже готова была

бежать на берег. Но время шло так медленно! Наконец пассажиры сошли на пристань. Часы показывали четыре часа утра. Районный центр Ларьяк ещё спал, и только немногие его жители стояли на берегу. За их спинами возвышалась белокаменная церковь. Алексея с дочкой встречал его старый друг, они поздоровались за руку.

– Ну, как доехали?

– Хорошо.

– Ну, пошли в дом досыпать, рано еще.

Дом был большой, с высоким крыльцом, через зимние холодные

сени в комнаты вела длинная широкая лестница. Хозяйка встретила гостей радушно, особенно Люську. Напоила ее молоком и сказала:

– Я вам на полу перину постелила, чтоб не тесно было, да и жарко не будет. Отдыхайте с дороги.

Люська провалилась в мягкую перину и крепко заснула.

Сквозь сон она услышала тихие голоса и легкии; звон посуды. Эти звуки говорили только об одном – пора вставать. Девочка стала одеваться. В комнату вошла хозяйка и с улыбкой сказала:

– Меня тетя Нюра зовут, я баню подтопила, иди, помойся с дороги – и за стол. Мы тебя ждем.

После завтрака все собрались идти по своим взрослым делам. Алексей приехал в районный отдел народного образования. Он работал завхозом в школе-интернате, и нужно было подать заявки на все необходимое для следующего учебного года. Тетя Нюра внимательно осмотрела Люську и сказала:

– Пока папа ходит по делам, мы с тобой; в магазин пойдем. Подберем вещи, переоденемся, а то в таком платье жарко тебе. А как папа все свои дела переделает, то к нам в магазин подойдёт.

Алексей передал список покупок:

– Принаряжайся, дочка, а потом в столовую пойдем.

Одно из самых приятных занятий – посещение магазина. Никогда

не знаешь, какие открытия тебя там ждут. В Ларьяке он был большой, красивый, с голубыми окнами. Цветущие желтыми цветочками густые кусты росли возле магазина и вдоль улицы. Девочка спросила:

– Эти кусты как называются?

– Акация жёлтая, их из ханты-мансийского питомника привезли, – пояснила тетя Нюра.

В магазине Люська оторопела: куда идти? Все завешено одеждой, длинные прилавки уставлены разными товарами и игрушками. Тетя Нюра подтолкнула Люську вперед и сказала продавцам:

– Ну-ка, девчата, приоденьте мою гостью.

На девочку стали примерять платья, школьную форму, фартучки, бантики и белые воротнички. Закончив примерку, отложили подошедшие Люське вещи. Вот только фартучки, белый и черный, были немного великоваты, но их, как сказали продавцы, можно подшить. Летнее цветное платье очень понравилось девочке, оно было веселое, нарядное с рукавчиками-крылышками. Люська сказала:

– А можно я не буду его снимать?

– Можно, – сказала тетя Нюра. – Пошли теперь туфли мерить. Люське подошли ботиночки для школы и белые парусиновые тапочки, которые она тоже снимать не стала. В таком наряде ее и увидел отец. Он не мог скрыть радости, так ему все понравилось.

– Вот так и ходи, дочь, не переодевайся, – заявил Алексей.

Затем зашли в книжный магазин. Купили для школы учебники и букварь, тетради, карандаши и краски, да еще несколько книг для чтения. Папа поблагодарил тетю Нюру

и сказал:

– Мы пойдем погуляем, я дочке Ларьяк покажу, а то пароход в три часа отходит. Только вы покупки домой возьмите, а я перед отъездом заберу.

В отличном настроении вышли из магазина отец и дочь. Вдоль улицы лежал деревянный тротуар, по нему было удобно идти, не пачкая новую обувь. Они прошли мимо почты. На двухэтажном деревянном доме, рубленном из круглого леса, висела вывеска «Народный суд», дальше стояло такое же здание с вывеской «Районо». Кругом было красиво, нарядно, в палисадниках цвела черемуха. Когда они подошли к большому длинному дому, похожему на школу, Люська забеспокоилась:

– Мы куда пришли?

– В больницу, дочь.

– А зачем?

– Помнишь, я тебе обещал, что зубы будем рвать в Ларьяке, вот и идем к врачу.

Навстречу из больничных ворот вышел мужчина. Отец поздоровался и сказал:

– Я к вам дочь привез, и сегодня обратно на пароходе уезжаем.

– А что с ней? – спросил мужчина.

– Да надо два зуба молочных вырвать. Никак сами не выпадут, а болят.

Врач посмотрел на веселую Люську и сказал:

– Я сегодняшним пароходом тоже уезжаю. Если вы не против, я возьму с собой инструменты, а там, не торопясь, и вырвем.

Отец не возражал. Врач пошел дальше, а наши путешественники, как и обещал папа, зашли в столовую пообедать.

Столовая оказалась красивой, сверкала чистотой, столики были накрыты белыми скатертями, в вазах стояли цветы. Отец с дочерью сели за столик, к ним подошла официантка в белом фартучке и кокошнике. Заказали борщ, котлеты с макаронами, компот и сладкие булочки. Не торопясь, поели. Отец, рассчитываясь, протянул официантке целых пять рублей – тогда это были очень большие деньги, – и когда она принесла сдачу, Люська облегченно вздохнула. Она впервые видела, как за еду расплачиваются деньгами, все здесь было, как в городе. Отец улыбнулся и сказал:

– Всё, пошли. Скоро отъезжаем, надо еще вещи собрать и на дорогу продуктов купить.

Из Ларьяка отъезжали весело, с музыкой, много людей садились на пароход. Всюду слышались слова: «В отпуск едем! На курорт!». Это было так непривычно и непонятно для Люськи: ведь она-то ехала домой. Матросы закончили грузить на корму парохода дрова: паровой котёл, от которого работала машина, топился дровами. Медленно отплывали от пристани. Впереди было только двое суток пути, ведь по течению реки пароход идёт быстрее.

Пассажиры расселись по своим местам и стали разговаривать между собой. Люська уже привыкла к дорожным неудобствам, лежала все на той же деревянной полке и слушала неторопливые беседы. К отцу подошел ларьякский врач и сказал:

– Ну, где тут наша пациентка?

– Да вот она, наверху лежит, – отец встал и подошел к дочке.

– Я вам инструмент даю, вы его покипятите в кастрюле минут тридцать и потом меня позовите.

Пока шли приготовления к этой нелегкой для Люськи процедуре, она смиренно сидела в каюте и ждала своей участи. Отсюда не убежишь, да и отцу она слово дала: он взял дочь с собой в Ларьяк при условии, что она согласится там полечить зубы. Отец принес кастрюльку с продезинфицированными инструментами.

Фамилия врача была Бабич, и он был единственным на всю округу специалистом по удалению зубов. Бабич сказал:

– Пойдемте в умывальную, там вода есть – удобнее будет.

Табуретку поставили посередине умывальной. Это была большая комната с металлическим полом и двумя раковинами. Врач вымыл руки, достал из кастрюльки медицинский инструмент, похожий на кусачки, и сказал Алексею:

– Держи ее за спину, а то вдруг упадет.

Люська послушно открыла рот и... раз – зуб оказался уже в руках у Бабича:

– Ну, вот, а ты боялась.

Люська мотнула головой в знак того, что не боялась.

– Раз так, то давай и второй вырвем.

Все произошло быстро и почти безболезненно. Внимательно глядя

на девочку, Бабич сказал:

– А ты крепкая. Наверное, летчиком будешь.

Никто не мог тогда представить, что это пророчество сбывается. Просто приняли как похвалу за терпение. Уже через час Люська бегала по пароходу героиней, и многие при виде ее говорили: «Вот этой девчонке зубы драли». Все дела, которые были за— планированы в Ларьяке, оказались завершены.

На следующий день отец и дочь пили чай дома, рассказывали о путешествии и показывали покупки и подарки, которые Алексей купил для мамы и сестры Гали.

Школа

Веселое жаркое лето пролетело быстро. Люська очень ждала осени, а точнее – первого сентября. Она несколько раз приходила в школу и любовалась покрашенными партами, доской, висящей на свежесмытой стене. И даже прикидывала, на каком месте будет сидеть. Представляла, как вместе с мамой и папой придет в школу на первую торжественную линейку. За неделю до первого сентября маму срочно вызвали к больному и увезли на лодке на какой-то засольный пункт, далеко от деревни. Она там осталась до тех пор, пока больному не станет лучше. За два дня до начала учебы папа пришел домой с работы и сказал:

– Дочка, придется тебе самой в школу собираться и идти одной. Я завтра уезжаю пароходом в Нижневартовск. Туда для школы по заявке, что мы с тобой отвозили в Ларьяк, привезли учебники и много всего нужного для учебы. Вернись ко второму сентября. Ты уже взрослая, сама справишься, я на тебя надеюсь.

Люська осталась одна, потому что старшая сестра Галя уже отбыла в деревню Мегион – там жили дедушка и бабушка, – чтобы учиться в пятом классе.

Папа уехал. Вечером пришла тетя Шура, которая при-

смаatrивала за Люськой и помогала по хозяйству, когда взрослых не было дома. Она подоила корову и, уходя, накачала:

– Завтра в школу. Не проспй, Люська.

Наступило долгожданное утро, солнечное и теплое, что бывает редко в наших сибирских краях. Девочка достала из шкафа форму и вдруг увидела, что белые воротничок и манжеты не пришиты, а лежат поглаженные на плечиках. «Наверное, мама не успела пришить», – подумала Люська. Девочка взяла иглку с ниткой и попыталась пришить воротничок, но он все время съезжал на одну сторону. Люська вздохнула и решила идти так, без воротничка. Нарядный белый фартук оказался длиннее подола платья. Подошел только черный. Волосы Люська заплела в одну косу белой атласной ленточкой и завязала бант. В портфель положила карандаши, тетради и букварь. Посмотрела в зеркало и не узнала себя.

На нее глядела взрослая, серьезная девочка-ученица.

Люська радостная пришла в школу, робко вошла в класс и встала в сторонке. За столом сидела учитель – Лидия Петровна Соснина, а рядом стояла Елена Ивановна – преподаватель старших классов. Старшими в деревенской; школе считались третий и четвертый классы.

Елена Ивановна кивнула в сторону девочки и сказала:

– Люся пришла не по форме одетая, без белого фартука. Разрешим на линейку пойти?

– Да у них дома никого взрослых нет, – ответила Лидия Петровна. – Вот и собралась сама, но ведь пришла в школу. Раз самостоятельно пришла, то пусть учится и участвует во всех мероприятиях.

Люська облегченно вздохнула и сразу же полюбила Лидию Петровну за справедливость.

Зазвенел звонок. Ученики построились на торжественную линейку, после которой сели за парты. И начался первый в Люськиной жизни школьный урок.

Надо сказать, что в те времена в маленьких сельских школах был свой порядок. В одном кабинете учились одновременно два класса: первый ряд занимал один класс, второй ряд – другой, и один учитель на всех. Для Люськи началась школьная жизнь, полная новых достижений открытий и приключений.

Словарь слов и выражений

Няша – размокшая, перемешанная с мокрым снегом или водой земля.

Облас – лодка из цельного дерева.

Поломал – поранил, подрал.

Нарты – специальные легкие сани из дерева для езды на собаках и оленях.

Вах – правый приток реки Обь

Казан – котел для приготовления пищи на костре.

Кисет – мешочек для хранения табака.

Бисер – мелкие стеклянные бусины, употребляемые для вышивания.

Ларьяк – населенный пункт на реке Вах.

Трудодень – форма определения оплаты за один рабочий день в колхозе, применяемая в 1930–1966 годы.

Туесок – посуда из бересты.

Набирка – берестяная коробка на длинной веревке для сбора ягод.

Грива – возвышенность в пойме реки.

Жирварка – национальное блюдо, готовится из очищенных рыбьих потрохов.

Бикс – металлическая коробка с ручкой, в которой хранят стерильный перевязочный материал.

Неводник – большая лодка из кедровых досок.